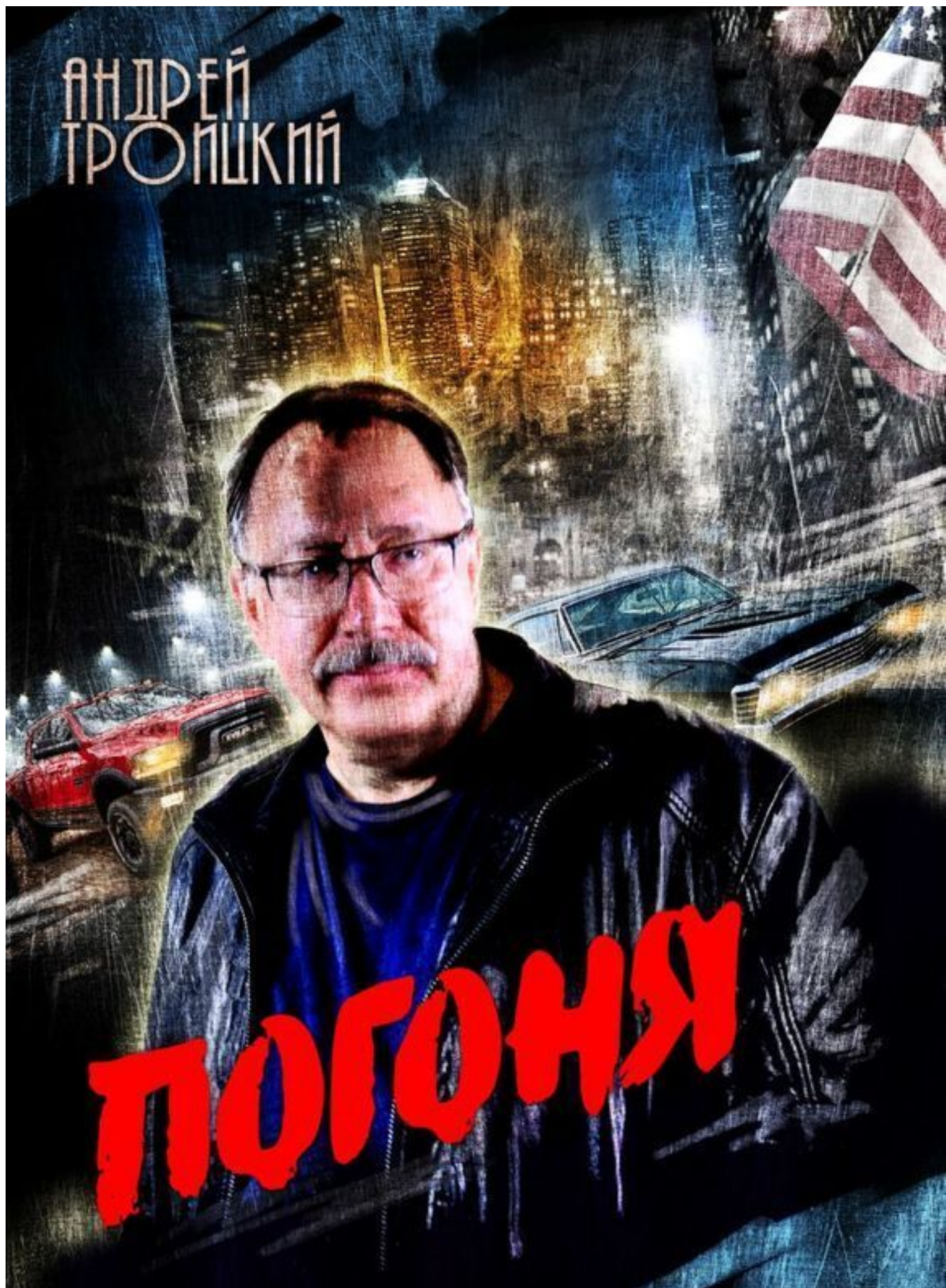

АНДРЕЙ
ТРОИЦКИЙ

ПОГОНЯ

Майор Девяткин

Андрей Троицкий

Погоня

«Андрей Троицкий»

2017

Троицкий А. Б.

Погоня / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,
2017 — (Майор Девяткин)

Адвокат по уголовным делам Дмитрий Радченко получает задание в досудебном порядке замять щекотливое дело против бизнесмена Игоря Дробыша, вдовца, воспитывающего приемную несовершеннолетнюю Инну, дочь покойной жены. Когда отчим находился в заграничной поездке, падчерица пришла в полицию, Инна утверждала, что много раз подвергалась со стороны Дробыша сексуальному насилию. Вернувшись из-за границы, отчим заставил падчерицу отказаться от показаний, но полиция продолжила проверку. Все осложнилось, когда Инна бежит из дома. Радченко узнает, что защищает подонка и решает спасти девочку. Дробыш настроен серьезно: на кону его репутация и бизнес. Он пускает по следу Инны и Радченко целую свору убийц. Начинается погоня, долгая, кровавая и непредсказуемая... Радченко помогает майору милиции Юрий Девяткин, у которого с Дробышем старые счеты.

© Троицкий А. Б., 2017

© Андрей Троицкий, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Глава шестая	41
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Борисович Троицкий

Погоня

Пролог

С вечера зарядил дождь. Смеркалось, но девочка не включила верхний свет в комнате, зажгла только лампу, стоявшую на тумбочке возле кровати. В семь вечера постучал слуга, чуть приоткрыл дверь и сказал, что ужин готов, можно спускаться вниз. Она ответила, что не хочет есть, и слуга ушел. Девочка придвинула стул ближе к подоконнику, села и стала ждать.

Из окна был виден кусок заднего двора усадьбы, асфальтовая площадка, где стояли два автомобиля, кирпичный забор и ворота из толстых кованых прутьев. За воротами шла асфальтовая дорога, по которой изредка проезжали машины, на другой стороне начинался лес. Время шло. Ветер гнул ветви старой липы, дождь не переставал. Справа, в домике у ворот, где сидели охранники, зажгли свет. Люди, заступившие на вечернюю смену, как всегда, резались в карты или смотрели телевизор.

Девочка неподвижно сидела на стуле и ждала.

Из дома охраны никто не вышел, чтобы запереть калитку. Это хорошо. Это значит, что не придется бежать вглубь парка, залезать на перевернутую бочку и перебираться через забор. Минута текла за минутой, но на дороге ничего не происходило. По-прежнему лил дождь, свистел ветер, совсем стемнело. Девочка не видела, как с другой стороны ворот остановилась машина. Но заметила, что на темное полотно асфальта легла и пропала полоса света. Машина мигнула фарами еще два раза, это был условный сигнал. Снова стало темно.

Девочка надела плащ, взяла рюкзак и вышла в коридор. На втором этаже слуги появлялись редко. Она спустилась вниз по темной лестнице, повернула ручку и вышла на заднее крыльцо. Расстояние от дома до ворот она преодолела, прячась за декоративными кустами, высаженными вдоль пешеходной дорожки. Девочка выскользнула в приоткрытую калитку и оказалась на дороге. Машина с потушенными габаритными огнями теперь стояла впереди, в пятидесяти метрах от ворот. Девочка добежала до машины, открыла дверцу и упала на заднее сидение.

Один из охранников, сидевший напротив окна, оторвался от телевизора в тот момент, когда по асфальтовой площадке возле ворот скользнула человеческая тень. Он поднялся со стула и выглянул в окно, заметив, как девочка выскользнула за калитку и пропала из вида.

Через минуту машина с двумя охранниками выехала за ворота и помчалась по дороге в сторону Москвы. Седан пролетел на скорости два крутых поворота, выскочил на прямой отрезок дороги, когда в глаза водителя ударил дальний свет встречной машины. Он сморгнул, нажал на тормоз, чтобы сбросить скорость, повернул руль вправо и почувствовал, что машину заносит. Седан, потеряв управление, пошел юзом.

Водитель попытался вывернуть руль, но под колесами уже не было асфальта. Машина слетела с дороги, перепрыгнула канаву, ткнулась передком в землю. Сработали подушки безопасности. Через пару минут оба охранника осмотрели помятый передок машины, выбрались на пустую дорогу и пошли обратно к усадьбе. Напуганные происшедшим, они шли молча. Охранник, идущий впереди, припадал на разбитую ногу, другой вытирал платком сломанный в основании нос.

Старший охранник, остановившись, достал мобильник, позвонил непосредственному начальнику и доложил, что падчерица босса сбежала неизвестно куда. За воротами девочку ждала неустановленная машина. Попытались организовать погоню, но... Но попали в аварию,

дорога слишком скользкая и узкая, а по ней ездят разные уроды. Начальник охраны задал несколько вопросов и положил трубку.

Он некоторое время задумчиво сидел в своем крохотном кабинете, что находился в пристройке усадьбы, и раздумывал, что делать дальше. Он решил позвонить не хозяину Игорю Дробышу, зная, каким страшным тот бывает в гневе, а его ближайшему помощнику и другу Стасу Грибкову по кличке Тухлый. Выслушав сообщение, Стас Тухлый ответил, что он будет на месте где-нибудь через час, а босс подъедет позже, ближе к ночи. И еще приказал, чтобы до его приезда провинившихся охранников заковали в наручники и держали в подвале, в служебном помещении.

Босс приехал в усадьбу уже после полуночи. На дворе было полно охраны, стояло несколько автомобилей с включенными фарами. Дробыш спустился в подвал.

Оба охранника, избитые до полусмерти, лежали на полу. Дробыш подошел к одному из них, наступил каблуком ботинка на пальцы руки. Человек даже не посмел застонать от боли. Дробыш присел на корточки и шепотом задал несколько вопросов. Охранник отвечал, всхлипывая, давясь слезами. В стороне стоял Стас Тухлый, одетый в джинсы и черную застиранную рубаху с закатанными по локоть рукавами. На руках – кожаные перчатки в пятнах крови.

Дробыш спросил Тухлого, готова ли яма и попросил принести сверху его железки. Один из охранников, услышав эти слова, завыл в голос, как раненая собака. Дробыш поднялся наверх, сел в машину и уехал. Охранников выволокли на воздух, заткнули в фургон и увезли.

Через полчаса фургон остановился на лесной дороге. От машины до ямы, глубокой и темной, охранников тащили волоком, потому что от страха они не могли идти сами. Первого подтащили к краю ямы, положили на землю и, завернув руки за спину, связали их проволокой. Шел дождь, поляну перед ямой освещали ручными фонарями. Дробыш в длинном прорезиненном плаще стоял в стороне и молча наблюдал за происходящим. Человек лежал на краю ямы, он не мог говорить, только стонал и выл в голос.

Дробыш сбросил плащ, подошел ближе. Стас Тухлый вышел вперед. Он вытащил из ножен и вложил в руки Дробыша изогнутый самурайский меч. Клинок блеснул в свете фонарей, отрубленная голова покатилась в яму. К краю подтащили вторую жертву. Человек пытался что-то сказать, вымолить жизнь, но голова и нижняя челюсть так сильно тряслись, что перед смертью он только искусал язык.

Глава первая

Адвокат Дмитрий Радченко вошел в кабинет хозяина юридической фирмы Юрия Полозова и остановился у дверей. Начальник разговаривал по телефону придушенным голосом, старался справиться с неровным дыханием и называл свою собеседницу нежным именем Светочка. На щеках Полозова играл румянец. Радченко почувствовал всю деликатность момента и решил, что в эту минуту, возможно, решается судьба личной жизни шефа. Развод с последней женой Полозов оформил еще года три назад и с той поры безуспешно искал свою вторую половину.

Радченко приоткрыл дверь и хотел уже выскользнуть в приемную, чтобы переждать на нейтральной территории. Но Полозов, заметив маневр, махнул рукой и показал пальцем на приставной столик для посетителей. Мол, не до церемоний, свои люди. Пришлось сесть в кресло, разложить бесполезные бумажки и сделать вид, что поглощен чтением. Начальник позволил себе пару комплиментов и свернул разговор.

Улыбка на лице увяла, румянец сошел, между бровей залегли складки.

– В центре скандала оказался наш старый клиент Игорь Дробыш, – сказал Полозов. – Ты наверняка о нем что-то слышал. Или читал в газетах. Богач, крутой парень, меценат, любитель всего прекрасного, собиратель русской живописи, театрал и так далее. За последнее время с ним случилось два неприятных происшествия. Сначала, когда Дробыш был в отъезде, его пятнадцатилетняя падчерица, подстрекаемая репетитором английского языка, написала заявление в полицию. Обвинила отчима в изнасиловании. Второе: неделей позже падчерица исчезла из дома. Скорее всего, совершить побег ей помогал все тот же учитель английского некий Наумов. Девочку ищет полиция. И скоро найдет. Но это – не твоя забота. Тебе же придется заниматься преступлением на сексуальной почве, то есть изнасилованием несовершеннолетней. Точнее говоря, изнасилованием, которого на самом деле не было.

Он вытащил из ящика большой почтовый конверт с какими-то бумагами, и сел не на свое место, а напротив Радченко за приставной столик. Полозов любил демонстрировать подчиненным, что в душе он вовсе не диктатор, а неисправимый либерал.

– Я знаю, Дима, что ты только что выиграл трудный процесс. И не успел отдохнуть. Но все-таки хотел именно тебя озадачить этим поручением. Ты еще играешь в теннис со своим бывшим однокурсником? Ну с этим... Начальником межрайонной прокуратуры по надзору... Ну, как там его, – Полозов пощелкал пальцами, сделав вид, что имя прокурора, хорошо известное в Москве, вдруг вывалилось из памяти. – Че... Чи...

– Чернов его фамилия.

– Вы ведь одногодки, у вас общие интересы? Мотоциклы?

– Он старше меня почти на семь лет. Кроме тенниса и бани общих интересов нет.

– Теннис и баня – это много. А кто из вас лучше играет?

– Чаще выигрываю я.

– Надо бы вот что... Поддаться надо. Пригласить его на корт и проиграть. А потом затащить однокашника в хороший ресторан... Кстати, в расходах не стесняйся. Когда настроение у этого деятеля поднимется, надо обсудить дело об изнасиловании. Сможешь?

– Поддаться в теннис или обсудить?

– Не подкалывай. Итак, об изнасиловании. Уголовное дело против Дробыша возбудили потому, что полицейские не разобрались в ситуации. К ним пришел этот проклятый учитель с девчонкой. Разговор на высоких тонах, много эмоций, мало смысла... В спешке зарегистрировали заявление и завели дело.

– Где это произошло?

– В районе Звенигорода. У нашего клиента два особняка под Москвой. Один на Рублевке, второй по Новорижскому шоссе. Ну, в этих районах, как правило, бедные люди не живут. Может быть, им там просто не нравится. Воздух или еще что... Короче, полицейские поняли, что Дробыш большой человек. И завтра же можно лишиться погон. Хочется думать, что эта поспешность объясняется неопытностью. Незнанием жизни и людей. Но можно объяснить и материальной заинтересованностью. Простой взяткой. У нашего клиента немало врагов и завистников. Вопросы вызывает и личность заявителя, этого учителя. Судя по всему, это мелкая душонка, последняя сволочь, готовая на все ради денег. На любую гнусность, низость... Да, не хотел бы, чтобы моя дочь или сын оказались студентами Наумова.

Полозов вспомнил о том, что детей у него нет, поэтому волноваться не стоит. И перевел дух. Он постучал кончиками пальцев по конверту и отодвинул его от себя на другой край стола.

– Эти бумаги подготовил адвокат Миша Соколов, – сказал он. – Он собрал целое досье на Дробыша, подробное и объективное. Он во всем разобрался... Он присутствовал на двух допросах, которые полицейские проводили с Дробышем. Но Мише такое дело не по зубам. У него нет друзей среди прокуроров. Прочти прямо сейчас первые двадцать страниц. По диагонали. И ты схватишь суть.

Радченко вытащил бумаги и углубился в чтение. Полозов, не вставая, дотянулся до подставки, где стояли курительные трубки ручной работы и серебряная коробка с табаком. Он выбрал большую трубку, вырезанную из корня вишневого дерева, с длинным эбонитовым мундштуком. И начал медленно набивать ее. Полозов курил нечасто. Пересохший табак крошился в пальцах и сыпался на стол. Он взял настольную зажигалку в виде львиной головы, по кабинету поплыл дым, несущий в себе аромат тмина и дикого меда.

– Дочитал?

– Пока только десять страниц.

– Ну, дома закончишь, – Полозов затягивался неглубоко, быстро выпускал дым из легких. – Чтобы не тратить время, я своими словами доскажу. Наш доверитель был трижды женат. Два первых брака – ошибка молодости. Третий брак – большая любовь. По имени Марина Осипова.

Полозов вытащил из конверта несколько фотографий привлекательной женщины лет двадцати восьми и сказал, что на самом деле на этой фотографии Марине тридцать восемь. Вот с этой женщиной доверитель и связал свою судьбу. Молодая красивая вдова с ребенком. К тому же с манерами, отлично воспитанная. Под стать мужу любитель всего прекрасного. Марина обожала театры, читала Хемингуэя и Апдайка в подлиннике. Ко всем своим достоинствам – она была небедная. Это тот случай, когда большие деньги женятся на больших деньгах. И, что интересно, по любви. Говорят, предки Марины выходцы из знаменитого дворянского рода. Полозов пустил дым и добавил, что и сам бы за такой приударил. Но красивые и умные женщины ему почему-то почти не встречаются.

Два с половиной года назад Марина умерла от рака. Дробыш – сильный человек, после смерти жены не раскис, а с головой ушел в дела. Свободное время посвятил воспитанию четырнадцатилетней падчерицы, заменив ей отца. Он ездил с ней за границу, в Европу и Америку, даже возил в ЮАР смотреть африканскую природу. Инна девочка одаренная, увлекается рисованием, лепкой. Она ходила в обычную школу, но Дробыш решил, что толку от такой учебы немного. Он нанял для Инны учителей, вузовских преподавателей.

Вот так в его дом попал учитель английского Вадим Наумов. Сорок четыре года, состоит в разводе, преподает в институте и занимается с Инной, точнее, занимался до недавнего времени. Это он пришел в полицию с уже написанным заявлением, в котором обвинил Дробыша в неоднократном изнасиловании падчерицы, ее избиении и прочем. Еще он принес диск, на нем были фотографии, сделанные камерой мобильного телефона. Несколько расплывчатых невыразительных снимков, на которых изображено не поймешь что. Эти снимки не могут быть при-

общены к делу и служить доказательной базой, поскольку получены в нарушение всех законов и процессуальных норм.

– Наумов относится к очень распространенной породе людей, – сказал Полозов. – Этим людям плохо живется. Да, да... Очень плохо. Когда другим людям живется хорошо. Иногда на смену тихой зависти приходит озлобление, вспышки ненависти. И человек с помутненным рассудком теряет контроль над собой, а с ним последние остатки мозгов. И вот тогда он делает глупости, о которых потом жалеет. Даже пытается исправить ошибки. Но это трудно, чертовски трудно. Твоя задача закончить это дело в досудебном порядке. Понял?

– Стараюсь понять, – кивнул Радченко.

– И перед моим мысленным взором предстает картина, – Полозов расплылся в улыбке. – Я, сидя за этим самым столом, выписываю тебе хорошую премию. И мне эта картинка, черт побери, нравится. Ты вроде мечтал прибавить к своей коллекции новый мотоцикл? «Индиан» последней модели, а? За два выигранных в суде дела плюс Дробыш... Получаются приличные деньги.

– Надо встретиться с прокурором. И все решить в четыре глаза, так?

– Совершенно верно, – кивнул Полозов. – Дробыш влиятельный человек с большими связями. Ему ничего не стоило задействовать своих друзей наверху и закрыть эту тему раз и навсегда. Но этот чертов учитель сходил в одну желтую газетенку. И передал редакции газеты копию того заявления, уже зарегистрированную в отделении полиции. В той газетенке знают, кто такой Дробыш, и сколько он стоит. Они не рискуют опубликовать материал, написанный со слов жалкого идиота.

– Они выжидают: чем закончится дело с полицией?

– Именно. Поэтому действовать можно только в рамках закона. В соответствии с его духом и буквой. И ни шагу в сторону. Как именно должны развиваться события? Прокурор по надзору затребует дело и, ознакомившись с материалами, приостановит его. В связи с отсутствием события преступления. Именно события. Ничего не было. Ну, это и ежу понятно, что не было. Дробыш воспитывал Инну как собственную дочь, давал самое лучшее, что в этой гребаной стране может получить подросток. И вдруг на его голову выливают ушат помоев... Объявляют сексуальным извращенцем и садистом. Я человек не самый эмоциональный, скорее наоборот. Но тут даже мне тошно.

– Я все понял, – Радченко поправил галстук. – В прошлый раз, когда зашел разговор о поощрении вы, Юрий Семенович, обещали не только денежную премию. Но и продвижение по службе. Я даже слышал золотые слова: «Ты будешь полноправным партнером адвокатской фирмы». Или это мне пригрезилось?

– Старик, ты же знаешь, что у меня два компаньона. Это они приняли решение не в твою пользу. Потому что... Ну, здесь как в армии. Решения начальства не обсуждаются. Ты же служил в специальных подразделениях морской пехоты. Был в горячих точках. Тебя учили убивать людей голыми руками, владеть всеми видами оружия, неделями обходиться без пищи и воды... Словом, я точно не знаю, чему там тебя учили. Не знаю, скольким подлецам ты лично открутил голову. И знать не желаю. Но уж точно ты научился в армии главному – бесконечному терпению. Сожми зубы и потерпи до Нового года, а там я поставлю своих компаньонов перед фактом.

– Это железно?

– Не старайся казаться большей занудой, чем ты есть на самом деле, – Полозов выбил трубку в пепельницу. – Кстати, я не первый раз напоминаю об этом: купи себе хотя бы два-три приличных костюма. В этом ты похож на администратора Казанского вокзала. А в моем офисе не держат вокзальных администраторов. В таких тряпках ты никогда не станешь партнером фирмы.

– Костюм фирменный, – вяло возразил Радченко.

– Ну, не знаю... Ткань как-то странно на солнце блестит. Будто лоснится от жира.
– Итальянский костюм. Куплен в бутике за бешенные деньги.
– Бешенные деньги ты тратишь только на свои железки на двух колесах, – проворчал Полозов. – Все, теперь иди. И не вздумай огорчить меня.

* * *

Метрдотель распахнул дверь. Радченко и прокурор по надзору Павел Чернов переступили порог светлого ресторанного кабинета. У высокого окна в готическом стиле стоял уже накрытый и сервированный на двоих стол. Едва успели присесть, как из воздуха материализовался официант, высокий, с одухотворенным лицом и длинным завитыми волосами.

В своем черном фраке, сорочке с кружевами на груди и ботинках с лаковым верхом он был похож на рассеянного виолончелиста, потерявшего где-то свой драгоценный инструмент. Застыв в полупоклоне, он положил перед господами меню в обложке из змеиной кожи и карту вин. На шее официанта был надет красный галстук бабочка, такой яркий, что казалось, что мужчине только что перерезали горло. И кровь сейчас зальет стол.

– Мы ничего менять не будем, – Радченко покачал головой, меню не взял. – Несите, что заказано. С закусками мы сами управимся.

Официант исчез, но вместо него появились два других персонажа во фраках, с красными бабочками и подносами. Перед гостями поставили высокие стаканы с водой, в которой плавили кубики льда и зеленые дольки лайма. Официант составил с подноса двойные порции жульенов с шампиньонами, лесными грибами, курицей и ветчиной, запеченные в серебряных кокотницах. На столике в углу открыли бутылку бордо.

Официанты пропали. Радченко расстелил салфетку на коленях и положил в тарелку крабовый салат.

– Все-таки подача у меня ну никак не идет, – Чернов поднял бокал вина. – Или слишком высокая. Или сетку задевает. И удар слабоват. Ничего не могу с этим поделать.

Чернов еще не остыл после трудного теннисного матча, где инициатива переходила от него к сопернику. Азарт не выветрился, адреналин играл в крови. Да, победу в этом пятисетовом поединке удалось выцарапать невероятным напряжением сил. Радченко только чудом не взял верх, уступив в последнем сете на своей же подаче.

После бани и небольшой прогулки Чернов раскраснелся еще больше. Серо-голубые глаза блестели на загорелом лице. В спортивном летнем костюме цвета топленого молока и голубой льняной сорочке он выглядел таким свежим и бодрым, что мог бы, пожалуй, угодить на обложку журнала «Красота и здоровье». Прокурор казался куда моложе своих неполных сорока четырех, а лишний вес был почти не заметен. Он намазал ломоть еще теплого хлеба маслом, а сверху положил толстый слой красной икры.

– Сила удара – дело наживное, – ответил Радченко. – Ты на подборе успеваешь. Стартовая скорость хорошая. Вот это главное. Это базис, основа основ. Стартовую скорость не разовьешь. Потому что это от рождения.

Радченко продолжал говорить и думал: не выглядят ли его комплименты примитивной лестью подхалима. Кажется, нет. Чернов уже привык воспринимать похвалу как должное.

Разговор на около спортивные темы мог продолжаться бесконечно долго. Чернов только года три назад взял в руки ракетку, его влюбленность в теннис еще не знала границ. Радченко думал о том, что дискуссию пора сворачивать. Все самые важные решения деловые люди принимают за обеденным столом в дружеской компании. Между первой и четвертой рюмками водки или бокалами вина.

– Тамару хочу к теннису приобщить, – Чернов перешел к ассорти из французских сыров. – Хм, неплохо... Очень даже. Но она никак. По субботам всегда какие-то выставки, про-

смотрят коллекции новой одежды. Закупки, ярмарки, разъезды... Честно говоря, я уже озверел от этого. Когда жена бизнесмен, это тяжело. Мало того, что у меня собачья работа. Света белого не вижу. Так и Тамары дома никогда нет. Видимся по утрам. Но не каждый день.

Четыре года назад прошла большая чистка в областной прокуратуре, требовались новые кадры, не замешанные в громких коррупционных скандалах. На небесах что-то изменилось, кто-то замолвил слово, кто-то из старых друзей вспомнил о честном малом, кандидате юридических наук. И Чернов, прозябавший в провинции на должности районного прокурора и не ждавший от жизни подарков, получил пропуск в специальный лифт, который вознес его на один из верхних этажей судебной власти.

– Но деньги... У твоей жены, насколько я знаю, успешный процветающий бизнес, – Радченко подумал, что бизнес жены прокурора может быть только успешным и процветающим. – Скажу банальность: деньги с неба не валятся.

– Мне не нужны ее деньги. Свои некогда тратить.

Радченко подумал, что жизнь может повернуться по-всякому. Сейчас бизнес жены Чернову, наслаждавшемуся своей принципиальностью и неподкупностью, почти святостью, в тягость. Но, если разобраться, за женой бизнесменом прокурор как за каменной стеной. Через год-другой, когда приоритеты изменятся, и деньги станут дороже принципов, супруга с ее бизнесом не раз сослужит добрую службу. Спросят проверяющие: откуда у прокурора дорогой особняк за границей и последняя модель «Мерседеса». Так его жена – бизнесмен... И точка.

– Слушай, я просил тебя об одном одолжении, – Радченко налил в стаканы вина. – Затребовать и просмотреть материалы...

– Я все посмотрел, – кивнул Чернов. – Если ты хочешь в частной беседе заступиться за этого подонка Дробыша, попросить меня внести протест, то ответ будет один: нет. Я не вижу никаких причин для приостановки дела. Дробыш сядет. Надолго. И плевать, что у него деньги и связи на самом вершине. Все вчерашние друзья от него отвернутся. Плунуть на него не захотят, когда обстоятельства преступления будут преданы огласке. Пусть скажет спасибо, что следователь не запер его в кандалы.

– Брось, Павел. С таким как Дробыш не происходит ничего плохого. У них всегда хорошее пищеварение, у них нет судимостей. И вообще не бывает серьезных проблем. И несерьезных тоже не бывает. Я не верю, что суд над Дробышем возможен в принципе. Но могу пообещать: если произойдет чудо, и этот процесс состоится, я камня на камне не оставлю от обвинения. А полицейские станут общим посмешищем.

– Тебе не идет такая самоуверенность. Пойми, Дима, в любой стране мира, более или менее цивилизованной, где законы соблюдают, девочку первым делом изолировали бы от отца. Ее передали бы в государственные органы опеки и попечительства. Там бы об этой Инне заботились. Ее лечили, кормили, с ней работал врач психолог и другие специалисты. Люди старались, чтобы эта несчастная забыла весь кошмар пережитого. И, конечно же, Дробышу запретили приближаться к ней ближе, чем на пять километров. Иначе – тюрьма.

– Но у нас законы гуманнее, – усмехнулся Радченко.

– Для таких сукиных детей как Дробыш – да, законы гуманнее, – Чернов вытер губы салфеткой. – Дробыш гуляет на воле, никто его не контролирует. После полиции девочка снова попала в его дом, потому что больше ей жить нигде. И, возможно, она не раз подвергалась насилию уже после того, как было возбуждено уголовное дело. Она выслушивала угрозы, оскорбления, вытирала слезы с лица... А органы опеки не имеют права даже войти в дом Дробыша, пока суд официально не признает эту мразь преступником. Вот так у нас. Адвокаты вроде тебя пользуются дырами в законе, чтобы спасти насильников от справедливого наказания.

– Господи, я всего-навсего зарабатываю на кусок хлеба с маслом. И делаю это законным способом. Я работаю с теми людьми, которые здесь живут. И пользуюсь теми законами, которые существуют. Плохие они или хорошие – не важно. Напишут другие, и тогда...

– Это демагогия. Ответь: какие действия полиции вызывают изжогу у адвоката?

– В этом деле все незаконно с самого начала. Я начну не с полиции. Начну с судьи Татьяны Селивановой, она вынесла решение о привлечении моего доверителя в качестве обвиняемого. В постановлении не указаны время, место и обстоятельства совершения преступлений. Судья просто подмахнула бумажку, составленную в полиции. И даже не стала вдумываться в суть вопроса. Наверняка она даже не читала того, что подписывает. Может быть, она очки дома забыла. Или голову.

– В чем суть претензий?

– По закону, если человека обвиняют в совершении не одного, а нескольких преступлений, должно быть четко указано, что именно, какие действия ему вменяются в вину. И так по каждой из статей Уголовно кодекса. Но никакой конкретики в постановлении судьи нет. Органы следствия не указали, в чем именно выразились насильственные действия Дробыша. Он угрожал своей падчерице или физически воздействовал на нее? Поэтому я обжалую это постановление. А дело должно быть возвращено на доследование. И закрыто. Поскольку общие неконкретные обвинения лишают моего клиента конституционного права на защиту.

– Речь идет о нескольких эпизодах изнасилования малолетней. О совершении с ней развратных действий. О вовлечении ее в пьянство.

– Из бумаг я этого не вижу.

– Такова специфика дела. Теперь уж нельзя установить точное время и детальные обстоятельства совершенных Дробышем противозаконных деяний.

– Это возражение суд не примет во внимание, – ответил Радченко. – Оно не основано на законе. А потерпевшая отказалась от дачи показаний. Дробыш все отрицает.

– Девчонка запугана. Дробыш обещал ее убить. И он выполнит обещание, если Инна раскроет рот.

– Угроза убийством – неконкретное обвинение, – сказал Радченко. – Кроме того, из материалов дела не усматривается, что угроза убийством связана с изнасилованием. Во всяком случае, в материалах дела это не отражено. Если угроза и была, требуется самостоятельная юридическая проверка и оценка этого деяния.

– Ты не веришь, что Дробыш обещал падчерице убить ее?

– Почему я должен верить? Убеди меня. Докажи это. В довершении всего следствие не изучило факты изнасилования Инны пятого и пятнадцатого марта, седьмого и восьмого апреля, а также второго, третьего и шестого мая. Нет ничего кроме слов.

– Пока в стране есть адвокаты, подонки вроде Дробыша будут гулять на свободе. Совращать и насиловать детей.

– Они будут гулять на свободе, пока полицейские не научатся собирать доказательства, работать со свидетелями и грамотно составлять бумаги.

– Учитель Наумов и полицейские проявили принципиальность. Они пошли против весьма влиятельного человека, пожалели девчонку-сироту. Но тут появляешься ты. Эх, Дима... Этот Дробыш просто куча дерьма.

– Что ж, если кучу дерьма посыпать денежками, снаружи она будет выглядеть неплохо. Даже симпатично.

Радченко наполнил бокалы и предложил выпить за женщин, которых рядом нет. Давить на Чернова дальше не имело смысла. Разговор может повернуть на скользкую тему моральной чистоплотности и человеческой принципиальности, и тогда спор до ночи не остановится. Одно лишнее слово или неосторожная фраза запросто испортит встречу старых приятелей. А Чернов уже и так на взводе, близок к точке кипения. Он уже сделал все выводы, которые должен был сделать. Понятно, что эту партию Чернов проиграл, он сам это понимает, но не хочет сознаваться в проигрыше и тем более обсуждать его.

Глава вторая

Первую половину воскресного дня Радченко провел в своем домашнем кабинете, читая бумаги, полученные от хозяина адвокатской фирмы Полозова. Бумаги распечатаны в одном экземпляре, пронумерованы и подшиты в пластиковую папку, доступ к которой имели только руководители адвокатской фирмы. Собственно, в папке одна рутина, ничего особо выдающегося. Краткая история бизнеса и личной жизни Дробыша. Если сравнивать эти файлы с анкетами многих преуспевающих бизнесменов, найдешь много похожего. С воровства, мелкого жульничества начинали если не все, то очень многие коммерсанты.

Родился в небольшом городке за тысячу верст от Москвы. Отец – водитель рейсового автобуса, проработал на одном месте двадцать три года. Мать – упаковщица на мебельной фабрике. Образование – средняя школа, некоторое время учился в кислородно-сварочном техникуме. Украл пару ботинок у своего приятеля. Поступок учащиеся обсудили на собрании, вынесли взыскание.

Впервые попал на прицел компетентных органов, когда облил бензином ночевавшего в подъезде бродягу и кинул горящую спичку. Бродяга попал в больницу и вскоре умер. Дробыш, не достигший совершеннолетия, отделался легким испугом: с ним начальник отделения провел беседу. Наверно, на пальцах объяснял непонятливому парню, что заживо сжигать людей – это не очень вежливо. Годом позднее Дробыш на самосвале вывез с территории техникума три железных кровати, бывшие в употреблении, рулон линолеума и два ящика растворителя. Задержан, когда пытался сбыть украденное.

Из-под стражи освобожден по ходатайству дирекции техникума. Начальству не хотелось раздувать скандал, парня отчислили и забыли о его существовании. Позднее он украл со двора городской администрации все заготовленные на зиму дрова, продал их перекупщику. Тот попался на местном рынке. В деле есть еще несколько подобных эпизодов. В конце концов, был задержан за драку и нанесение тяжких побоев молодому человеку, который косо посмотрел на девчонку Дробыша. Потерпевший три месяца отлежал в местной больнице, стал инвалидом. Он не мог ходить без костылей и заговаривался.

Три месяца Дробыш отсидел в тюрьме, осужден к двум годам лишения свободы условно. Мягкий приговор вынесен, потому что обвиняемый еще не достиг совершеннолетия и представил положительную характеристику с бывшего места учебы, техникума, который однажды обворовал. Вскоре судимость была погашена.

Игорь едет в Москву, поступает в техникум городского хозяйства, устраивается учеником кладовщика на парфюмерную фабрику. Досуг посвящает физкультуре: каратэ, бокс. Вскоре женится на дочери полковника внутренних дел, невеста старше своего избранника на четыре года, ей двадцать три. И, судя по фото, не красавица. Родители жены покупают молодым квартиру...

Радченко, зевнув, перевернул пару страниц. Так, в этом месте повествования Дробыш снова попадает на краже. Он вывозит готовую продукцию со склада парфюмерной фабрики по подложным накладным и сбывает мелким оптовикам. Дробыша и подельника, который сидел за баранкой грузовика, задерживают. Водитель берет вину на себя. Позднее этот самый водитель некий Стас Грибков по кличке Немец, он же Тухлый будет осужден. Отсидев полтора года в колонии, он вернется в Москву и станет ближайшим помощником Дробыша.

Дробыша освободили до суда. То ли взятку сунул, то ли тесть помог. Так, так... Развод с женой раздел квартиры, покупка подержанного «Мерседеса», привод за драку в ресторане... Радченко перевернул еще пару страниц. Вторая женитьба, на дочери помощника министра. Свадьба скромная, Дробыш не выносит шумных мероприятий, избегает тусовок. Его при-

вычки не изменились по сей день. Тесть устраивает Игоря на должность заместителя директора комплекса складов государственного резерва, что находится в ближайшем Подмосковье.

И тут скромный кладовщик получает счастливый билет. Со складов регулярно списывают для утилизации большое количество мясных и рыбных консервов, крупу и муку, срок годности которой истек. К делу подколота копия газетной заметки под заголовком «Просроченные коммерсанты». Речь идет о том, что негодные продукты, предназначенные для утилизации, в нарушение всех законов вывозили со складов государственного резерва, но не уничтожали.

Если верить заметке, сотни вагонов мясных консервов были отправлены в разные районы страны, где проданы оптом через подставные фирмы. Было следствие, но Дробыш каким-то образом вышел из-под удара. А его ближайший друг Стас Тухлый обвинен в хищениях в особо крупных размерах, подделке платежных и других финансовых документов. Он в то время уже занимал ответственную должность на тех же складах. Позднее обвинение снято якобы за отсутствием состава преступления.

У Дробыша опять перемены в личной жизни. Он разводится с женой, выставляет ее из квартиры. Как раз к тому времени и тестя уволили из министерства. Дробыш получает диплом Московского университета, каким способом – знает, наверное, он один. И вскоре становится начальником одного из крупнейших в России складов государственного резерва.

В это же время кто-то сводит его с генерал-майором Старостиным из министерства обороны, отвечающим за продовольственное снабжение войск центрального военного округа. Встретились два деловых человека, и дело закрутилось. Дробыш зарегистрировал полторы сотни подставных фирм, которые якобы занимаются оптовой торговлей продуктами, в частности мясными консервами, крупами и мукой.

Фирмы Дробыша выиграли несколько крупных тендеров на поставки продовольствия в армию. Дробыш покупает «Бентли». На этой машине уж не стыдно подвезти симпатичную девчонку. Видно, он совал взятки всем, кому надо. И вскоре начал вывозить со складов и те консервы, чей срок годности еще не истек. Оформлял их, как испортившиеся.

Трудно сказать, какие деньги он заработал, но свой первый особняк за границей, на юге Испании, он в ту пору уже купил. Позднее перепродал с прибылью и купил другой, на юге Франции. Около шести лет назад Дробыш берет в жены Марину, деловую женщину, чье состояние в то время приблизительно в сто-сто двадцать миллионов долларов. У Марины в собственности холдинг «Вериско»: несколько фирм, занимающихся грузовыми перевозками, завод по производству пластмасс и жидкого стекла, строительного утеплителя. Она разведена, воспитывает дочь.

Радченко перевернул еще несколько страниц.

Дробыш покидает государственную службу, он покупает несколько консервных заводов на юге страны, где выпускают тушенку, девять заводов, выпускающих водку и спиртные напитки. Покупки предприятий больше похожи на силовые захваты или подкуп. Среднеарифметическая стоимость завода, большого куска земли под ним и склада готовой продукции не превышает цены на московскую двухкомнатную квартиру. Дела Дробыша, как видно, идут в гору. Он импортирует дешевые консервы из стран восточной Европы и Китая. Он получает крупные контракты на поставку в армию и военно-морской флот консервированной колбасы, тушенки.

К файлам подколота пара статей о тендерах на поставку продуктов в армию. Судя по документам, в этих тендерах принимали участие различные фирмы, производящие консервы в России. Но фактически эти лавочки существовали только на бумаге. Из Китая завозили консервы с просроченным сроком годности. Уже на месте банки получали новые этикетки или маркировку. Пятью годами ранее Дробыш начинает сотрудничество с крупнейшими торговыми сетями России. Поставляет свежие продукты и консервы, мясо и рыбу. А также мясные

полуфабрикаты, водку, кондитерские изделия, соусы, кукурузные хлопья. Сыры, колбасу горячего и холодного копчения, деликатесы и многое другое. Все товары импортного производства.

По неподтвержденным данным, большая часть продукции контрафактная или с истекшим сроком годности. Интересно, что такая продукция поступает не только в торговые точки, ориентированные на людей с тонкими кошельками, но и в магазины для богатых. Бизнес ведется с размахом. Тысячи наименований продукции отечественного и зарубежного производства, поставки во все концы России и страны бывшего СССР, импорт, экспорт... Цифры просто астрономические. И это только официальные данные. О реальном обороте можно только догадываться.

Три года назад врачи находят у Марины Осиповой рак крови, трудно поддающийся лечению. Марина продает свой бизнес, деньги помещает в швейцарский банк. В договоре с банком обусловлено, что вся сумма после смерти Осиповой отойдет ее единственной дочери Инне, когда той исполнится шестнадцать лет. После смерти жены Дробыш удочерил Инну.

Дочитав последнюю страницу, Радченко подумал, что Дробыш типичный плохой парень, жестокий и циничный. Но везучий. Он умеет использовать любую ситуацию, даже проигрышную, в личных интересах.

* * *

Сегодня на улицах пробок почти не было. И Радченко приехал к одной из центральных гостиниц Москвы раньше времени, за час до встречи с Дробышем. Он оставил машину на подземной стоянке, поднялся лифтом на второй этаж. Чтобы убить время, выпил кофе в буфете и прочитал колонку происшествий в газете, но не нашел ничего интересного.

Тогда он прошел в конец коридора, предъявил охране пропуск на международный бизнес семинар и оказался в полутемном зале. Он присел на свободный стул у стены и осмотрелся. За длинными столами, расставленными параллельно друг другу, расположились люди разных возрастов, мужчины и женщины в деловых костюмах.

Взгляды людей сошлись на сцене, залитой светом софитов. Там была установлена невысокая кафедра с гербом России. Над кафедрой нависала крупная фигура Дробыша. Густо напояженные темные волосы, синий блейзер с серебряными пуговицами и золотой галстук. Взмахивая руками, он о чем-то увлеченно рассказывал. Судя по тому, что в зале стояла тишина, которая бывает ночью на кладбище, оратора слушали внимательно. Дробыш слыл в бизнес-сообществе человеком с хорошо подвешенным языком и приличными манерами. Когда бывал в настроении, он принимал приглашения на международные семинары и совещания, где выступал с лекциями о самом себе, оттачивая ораторское мастерство и умение держаться перед взыскательной публикой.

Радченко закинул ногу на ногу и стал слушать. Выступление производило приятное впечатление. Дробыш не смотрел в бумажку и непонятно, была ли у него эта бумажка. Он говорил убедительно и в то же время эмоционально. Казалось, зала нет, нет людей в костюмах, сидящих за столами. Он обращается к какому-то одному человеку, своему приятелю, которого он знает сто лет. С которым еще в детский сад вместе ходил, а потом в школу.

– Про меня говорят: ему повезло, – Дробыш взял паузу. – Говорят: он выиграл большие тендеры на поставку продовольствия, когда серьезных игроков просто не было рядом. Ну, что тут ответить? Я так скажу: это глупость, пустой треп. И что значит «повезло»? Ну, были в моей жизни разные моменты. Пару раз я умирал с голоду. Иногда фортуна мне улыбалась. Но в то время, когда пошли крупные заказы, и деньги стали падать с неба, я уже стоял наготове с пустыми мешками, чтобы их собирать. У меня пустые мешки давно были готовы к этому случаю.

В зале смех, слышны какие-то реплики.

– Вот правильно господин подсказывает: своих оппонентов я рядом не видел. Они растерялись или трусили. Или просто обалдели от этого счастья. Вот в чем соль: я был готов, к тому, что мне повезет. Был готов к этому подарку, ждал его. А другие хлопали ушами. Теперь они считают мои, а не свои деньги. И злословят. Мой совет: всегда будьте готовы к хорошему и плохому. И еще: любой кризис для торговца едой – подарок. Потому что именно в кризис люди больше всего едят.

Раздались аплодисменты. Радченко тоже похлопал.

– Если бы вы знали, сколько я выслушиваю упреков, сколько читаю в газетах всякой ерунды о себе. Но я держу нос по ветру и не обращаю внимания на злопыхателей. Чаще всего меня упрекают в том, что мой бизнес не совсем прозрачен. Но мне не нужна прозрачность, я торгую продуктами, а не очищенной питьевой водой. Мой бизнес, можно сказать, семейный. Я не печатаю акций, и редко привлекаю заемные деньги. Я возьму в своем банке столько денег, сколько понадобится. А если денег банка не хватит, одолжусь у друзей. И еще: у меня глубокие карманы, в них умещается много наличных.

В зале шум и смех.

– Не понимаю: зачем нужно печатать эти акции и размещать их на биржах? Разве мало в мире закрытых акционерных обществ, разве нет семейного бизнеса? Я не хочу зависеть от мнения и настроения акционеров. Тем более эти настроения часто меняются. А с ними и биржевые котировки. И вот итог: даже в кризис я не продал ни самолета, ни яхты. В то время как мои оппоненты относили в ломбард столовое серебро и другие семейные ценности, я считал прибыль. А люди, которые разместили акции на фондовом рынке, во время кризиса узнали о себе и своем бизнесе много неприятных вещей. Узнали, например, что их бумаги годятся только для того, чтобы разместить их в общественном нужнике, а не на Лондонской фондовой бирже. Да, да, только в нужнике... Поэтому мой совет: держитесь подальше от фондовых площадок. Как можно дальше. Это игра с огнем. И когда-нибудь вы погорите.

И снова пошла волна аплодисментов. От левой стены к правой и обратно. Радченко снова похлопал, но отметил про себя, что эмоций в выступлении Дробыша все-таки больше, чем смысла. Ему бы в театре выступать. В пьесе Островского «Волки и овцы» в роли волка, не на бизнес семинарах.

– В завершении я хочу сказать следующее. Я делаю деньги на еде, – Дробыш выставил вперед руки, показал залу розовые ладони и растопыренные пальцы. – Чем больше люди едят, тем лучше для меня. Поэтому я хочу, чтобы люди хорошо питались, чтобы больше тратили на еду. И еще пару слов. У меня есть несколько правил, от которых я – ни на шаг. О некоторых из них я уже рассказывал. Вот еще одно: никогда не жалеть себя. И своих партнеров. Тем более своих конкурентов. Наконец, заповедь, которую я вспоминаю почти ежедневно: много денег достается людям, которые умеют ждать. Тем, кто ждать не умеет, достается еще больше.

Зал взорвался аплодисментами. Дробыш скромно поблагодарил слушателей за внимание и ушел куда-то за сцену.

* * *

Радченко нашел его в служебном помещении, где Дробыш, развалившись в кресле и задрав ноги на стол, жевал бутерброды и пил минеральную воду. Он ждал, когда кто-то из телохранителей принесет из автомобиля другой костюм и свежую рубашку.

– Привет, – не вставая, Дробыш протянул для пожатия вялую руку. – Рад познакомиться. Как выступление? Не слишком сумбурно?

– Все по теме, с настроением, – Радченко опустил в кресло напротив. Он знал, какие слова хочет услышать собеседник и произнес их. – И все советы дельные, нужные. Зал был в восторге. Будто выступал не бизнесмен, а Элвис Пресли поднялся из могилы.

– Рад, что тебе понравилось, – Дробыш улыбался, не разжимая губ. Он еще не остыл после выступления перед большой аудиторией, поэтому иногда проводил бумажной салфеткой по вспотевшей шее и лбу. – Хотя речи толкать – сплошное мучение. В зале, кажется, не работают кондиционеры. Твой босс Полозов мне звонил. Сказал, что ты удачно поговорил с прокурором. Но я хотел услышать подробности от тебя лично.

– Я высказал господину Чернову свои замечания. И объяснил, что я намерен делать, если дело в отношении вас не закроют. Он меня выслушал внимательно и... Он ничего не обещал. Потому что не любит давать обещания. Особенно адвокату. Даже если адвокат его старый приятель. Но я хорошо знаю Чернова. Это неглупый человек. Если он понимает, что его собеседник прав, то уступает. А в этом деле все козыри у вас на руках.

– Хм, хорошо хоть ты это понимаешь. Значит, нас уже двое. Еще хорошо, что не всех умных людей закопали на кладбищах. Что хоть кто-то жив... Твой прокурор, например. Это шутка, Дима. Вообще, черт побери, это хреновая история. Я до сих пор не верю, что какой-то жалкий учитель английского языка осмелился накатать на меня заявление в полицию. А какие-то полицейские возбудили дело. Меня в ту пору не было в Москве, поэтому я не смог замять эту историю в самом начале. Когда она еще не стала достоянием гласности. До того, как о ней узнали газетчики.

– Думаю, скоро вопрос будет закрыт. В худшем случае, если прокурор все-таки не захочет или не сможет помочь, мы устроим им в суде показательную порку.

– Отлично, – одобрил Дробыш. – Ты знай, что у меня всегда найдется хорошая работа для тебя. У меня много адвокатов. Я даже их имен не помню. И, разумеется, не знаю, кто из них умный. И есть ли среди них умные люди – тоже вопрос. Короче, будешь работать со мной и в обиде не останешься.

Охранники принесли костюм, упакованный в специальный кейс, несколько сорочек и галстуков на выбор. Радченко уже хотел откланяться и уйти, но все-таки задал вопрос.

– А как идут поиски вашей падчерицы?

– Я называю Инну дочерью.

– Простите. Есть какая-то информация?

– Мы знаем, что в этой дикой истории принимал участие тот же гребанный учитель, – улыбка сошла с лица Дробыша. – Не представляю, что он там наплел Инне, что наобещал или как ее запугал... Не знаю. Но он выманил девчонку из дома... У него все получилось. Теперь картина похищения ребенка восстановлена. В общих чертах. Этот сукин сын оставил машину на дороге, неподалеку от задних ворот, которыми пользуется технический персонал: уборщики, садовники, охрана. К воротам подходит узкая дорога. Камеры наблюдения там не установлены. Но этого и не требуется. Вечером выпускают собак. В тот раз шел дождь. И собак пожалели. И еще неподалеку флигель, где сидит охрана. Территория возле ворот хорошо просматривается из окон. Злоумышленники не полезут. Я, как всегда, оказался жертвой собственного либерализма. Позволял Инне слишком многое. А за учителями не приглядывал. А надо бы...

– Я уверен, что злоумышленника скоро найдут. И девочку вернут.

– Это все звенья одной цепи: обвинение меня в изнасиловании и похищение Инны, – Дробыш налил воды и одним духом осушил стакан. – За этим учителем стоят могущественные люди. И я докопаюсь до правды. Глупо думать, что сама Инна решила убежать из дома. Я для нее как отец, воспитываю ее столько лет. Не жалел ничего для ребенка. Я показал ей мир: Рим, Париж, Нью-Йорк... Короче, мне позвонил большой полицейский начальник. И обещал, что не сегодня, так завтра этого урода найдут. И девочку тоже.

Дробыш выразительно посмотрел на часы. Радченко попрощался и ушел.

* * *

Через день Чернов сам позвонил Радченко, сказал, что еще раз просмотрел материалы уголовного дела, там много белых пятен, полиция сработала плохо. В частности, не проведены следственные действия на месте предполагаемого преступления, не назначены соответствующие экспертизы. А те экспертизы, что назначены, проведены непрофессионально. Они не ответили на главный вопрос: были совершены изнасилования или это плод воображения заявителя.

– Я вынес постановление о закрытии уголовного дела в связи с отсутствием события преступления, – сказал Чернов. – Вот так. Твоя взяла. Но я все-таки считаю, что... Хотя теперь это уже не имеет никакого значения. Собственно, я звоню по другому вопросу. Если у тебя свободна следующая суббота, может быть, перекинемся в теннис?

– Одну минуточку. Только гляну расписание.

Радченко закинул ноги на стол, взял ежедневник, перевернул пару страниц. На субботу назначены две важные встречи с клиентами. Впрочем, их можно перенести на вторник, даже на среду. Потому что теннисный матч с прокурором в сто раз важнее всех деловых встреч вместе взятых.

– В субботу я свободен, – сказал он в трубку. – Совершенно свободен. И настроен на реванш.

* * *

Радченко остановил «БМВ» на платной стоянке, вылез из машины. За высоким забором начиналась территория вещевого рынка. Несколько гектаров земли были заставлены контейнерами, матерчатыми тентами, палатками и торговыми павильонами, похожими на трейлеры, снятые с колес.

Эти постройки образовывали кварталы города в городе. Поток покупателей растекался по улицам и закоулкам, пропадал в павильонах, забитых трикотажем, детскими игрушками, нижним и постельным бельем, подушками, одеялами, чудо сковородками, порошком от тараканов, лекарствами от всех болезней, всякой всячиной неизвестного происхождения и сомнительного качества.

Радченко шагал известной ему дорогой и думал о том, что незнакомый мужчина неопределенных лет, одетый в серую ветровку, увязался следом и не отстает. Шагать быстрее нельзя, вокруг слишком много людей, поэтому Радченко свернул направо. Замедлив шаг, двинулся вдоль торгового ряда, бесконечных прилавков под открытым небом, делая вид, что погрузился в изучение ценников.

Иногда он бросал взгляд за спину, человек толкался где-то рядом. Радченко свернул к столикам, расставленным на асфальте, взял бутылку пива и порцию шашлыка. Оставив еду на столе, поднялся, нашел вход в туалет и заперся в кабинке. Когда он вышел, мужчина в серой ветровке пропал. Люди спешили мимо столиков по своим делам, гомонили торговцы.

Радченко двинулся дальше, изредка оборачиваясь назад. И вскоре оказался на задворках рынка в тесном помещении без вывески, отделенной от мира витриной из толстого стекла, покрытого слоем пыли. Владелица магазина китаянка Су Юнь поздоровалась с Радченко за руку, ушла и принесла четыре костюма, заказанных две недели назад. Радченко отгородился матерчатой ширмой и стал примерять обновки.

Пахло китайской мазью от радикулита и цветочным чаем. Было слышно, как где-то рядом, за фанерной перегородкой, стрекочет швейная машина. Уже не первый год Радченко покупал здесь костюмы, прототипы которых еще только входили в моду в Италии. Брюки и пиджаки, сшитые в подпольных мастерских по выкройкам последних итальянских моделей,

почти ничем не отличались от фирменных аналогов. Разве что материал иногда, попадая на солнечный свет, как-то странно светился, будто по нему пробегали электрические искры. И снашивались костюмы слишком быстро, еще до того, как выходили из моды. Но тут все решали цены: костюмы госпожи Юнь были в пятнадцать-двадцать раз дешевле тех, что продаются в модных магазинах в центре Москвы.

Через пару минут Радченко, одетый в коричневый летний костюм, вышел из-за ширмы.

– Кажется, рукава длинноваты, – сказал он. – Надо бы укоротить.

– Не надо, – ответила Су Юнь, она работала в этой дыре больше десяти лет и вполне прилично говорила по-русски. – Хороший рукава. Очень хороший. Русские не носят короткий рукава. Этот хороший.

Радченко спасовал перед авторитетом Су Юнь. Эта женщина, пользуясь минимальным запасом слов и выражений, обладала загадочной способностью кого угодно убедить в своей правоте. Молча кивнув, Радченко исчез за ширмой. И вновь появился перед Юнь в темно-синем деловом костюме. Узкие лацканы пиджака на трех пуговицах с врезными карманами и двумя шлицами на спине придавали фигуре астеническую стройность.

– Хороший, – госпожа Юнь склонила голову направо, затем налево. Дважды обошла вокруг клиента, двигаясь по часовой стрелке, одернула сзади пиджак. – Очень хорошо. Все девушки тебя любить. Два раза.

– Брюки моего размера, но коротковаты, – сказал Радченко, вглядываясь в свое отражение в мутном в рост человека зеркале. – Точно, коротковаты.

– Почему коротковат? – удивилась Юнь. – Так сейчас носят. Крой такой. Фасон модный.

– А рукава пиджака опять длинные, – вздохнул Радченко.

– У меня костюмы заказывать очень большой люди. И никто никогда не жаловаться. Вот смотри.

Юнь зашла за прилавок и вернулась с замусоленным журналом европейской моды. Она пошелестела страницами и показала несколько поблекших фотографий молодого человека, одетого в костюм, напоминающий тот, что надел Радченко.

– Вот сюда смотреть, – скомандовала госпожа Юнь. – У него тоже брюки короткий, да? А рукав короткий, да? Эта фирма...

Юнь назвала всемирно известный бренд. Радченко сдался.

– Хорошо, беру.

Он вышел из лавки с двумя бумажными сумками и заметил человека в серой ветровке, тот стоял неподалеку, курил, делая вид, что разглядывает в витрине пластиковую куклу, облезлую, давно потерявшую первоначальный цвет. Радченко подошел к мужчине. Тот отступил на шаг и встал, скрестив руки на груди.

– Слушай, тебе не надоело за мной бегать? Могу устроить так, что эту ночь ты проведешь в камере. В ближнем отделении полиции.

– Ничего ты не можешь, – усмехнулся мужчина. – В полиции тебя пошлют подальше. Людям не запрещено ходить сюда. И тратить деньги на покупку контрафактных костюмов.

– Я все-таки попробую, – Радченко поставил сумки на асфальт и вытащил мобильник. – У меня связи в полиции. Если ты искал неприятности, то ты их уже нашел.

– Подожди, – мужчина снял окуроч, прилипший к нижней губе. – Надо поговорить. Я тот самый Вадим Наумов, учитель английского. Который на Дробыша написал заявление в полицию. Ну, сел в машину и поехал за тобой. Просто не мог решить, как лучше к тебе подойти, с чего начать...

– Не о чем разговаривать. Дела Дробыша больше нет. Его закрыла прокуратура.

– И много он заплатил? Ну, чтобы дело закрыли?

Вместо ответа Радченко подхватил сумки и заспешил к выходу. На автомобильной стоянке его догнал Наумов. Он встал рядом с машиной и молча наблюдал, как Радченко кладет бумажные сумки в багажник БМВ и пьет воду из пластиковой бутылки.

– Я навел о тебе справки, – сказал Наумов. – По отзывам, ты приличный парень, хоть и адвокат. Удели мне час. Больше не надо. Это недолго, всего час. Тебе надо знать о том, что произошло...

– Меня это уже не касается.

– Ну, считай, что этот час ты подарил мне, – солнце припекало, на лбу учителя выступили капли пота, а губы наоборот сделались сухими и темными.

– Я не делаю подарков незнакомым людям.

– Тогда подари час девочке Инне.

В бутылке еще оставалась вода, Радченко вылил ее на асфальт и взглянул на циферблат наручных часов. На три часа дня назначена встреча с продавцом мотоцикла «Кавасаки», очень хорошего, мощного и удобного, снятого с производства еще лет пять назад. Радченко давно хотел купить эту модель, но найти ее было не так-то просто. Итак, у него полчаса свободного времени. Он молча кивнул.

– Вон моя тачка, – Наумов показал пальцем на «Форд Мондео», стоявший в соседнем ряду. – Там можно.

– Мы поговорим в моей машине. У меня полчаса.

Глава третья

С утра майор полиции Юрий Девяткин поднялся на этаж, где сидит начальство. Прихватив пару папок с делами, которыми в данный момент занимался, и блокнот с записями. Но начальник следственного управления московского уголовного розыска полковник Николай Богатырев оказался занят. Секретарь сказала, что Богатыреву недавно звонили из Министерства внутренних дел и даже из аппарата правительства по поводу какого-то неприятного происшествия. И еще ожидаются звонки от очень больших людей.

Через час Девяткину все-таки разрешили войти. Кабинет Богатырева был просторным и светлым, стены отделаны старомодными деревянными панелями, а от дверей к письменному столу вела ковровая дорожка, видимо, чтобы посетители, попадавшие сюда впервые, не заблудились. Девяткин устроился за приставным столиком, разложил дела, готовясь доложить о работе, но Богатырев, поглощенный какими-то своими мыслями, только рукой махнул.

– Я тебя не для этого вызвал, – сказал он. – Бумаги подождут. Говорят, у тебя память хорошая. Вот скажи, ты помнишь некоего Игоря Дробыша?

– Помню. Давным-давно я задерживал его ближайшего помощника некого Стаса Тухлого. Он избил до полусмерти какую-то женщину и ее приятеля. Это было еще в ту пору, я работал простым оперативником на окраине Москвы. Дробыш позвонил кому-то из начальства. Мне приказали Тухлого отпустить и забыть все, что было. Дробыш до сих пор числится в нашей картотеке как уголовный авторитет.

– Он давно поднялся по золотой лестнице на самый верх. Теперь к нему просто так не подступишься. Газеты пишут, будто он импортирует продукты из-за границы. И сам что-то производит на своих заводах. Сосиски, что ли... Или колбасу... Кормит ей полстраны.

– Наверное, вкусно, – облизнулся Девяткин. – Хотя я не пробовал.

– Все шутишь? – Богатырев вытер испарину бумажной салфеткой. – А мне не до смеха. Когда-то Дробыш был крутым парнем. Если намечалась стрельба, сам ездил на бандитские стрелки. Хотя у него уже в ту пору было полно охраны. Людей, готовых выполнить любую грязную работу. Но он любил сам...

– Он наверняка и сейчас любит сам.

– Зря усмехаешься, – сказал Богатырев. – Дробыша мы не посадили. Он гуляет на свободе, загребает огромные деньги. Поэтому смеяться должен он над нами, а не наоборот. Рассказывают одну историю. Это все на уровне городских легенд, народного фольклора. Но ты всегда доверял слухам больше, чем казенным бумагам. Так вот, люди Дробыша похитили трех парней, которые занимались тем же бизнесом. Закупками продовольствия за границей или чем-то в этом роде. Можно сказать, своих ближайших конкурентов. Их вывезли за город. Вырыли яму. Этих ребят поочередно подводили к краю этой ямы, ставили на колени. А Дробыш отсекал им головы самурайским мечом. И тело летело вниз следом за головой. Понимаешь? Расправиться с конкурентами могли его люди. Но Дробыш хотел сам. Он не боялся испачкаться кровью. Ему это даже нравилось.

– Так это правда, ну, насчет самурайского меча или...

– Живых свидетелей нет. И трупов нет. Один парень, чье имя известно, до сих пор числится пропавшим без вести. Имена двух других даже не установлены. Но это так, к слову... Кстати, Стас Тухлый, которого ты когда-то задержал и отпустил, до сих пор остается лучшим другом и помощником Дробыша. Тухлый, будто бы, присутствовал при той казни. Ну, когда Дробыш людям головы рубил. Тухлый подводил жертв к краю ямы. Ставил на колени, заставлял нагнуться и опустить голову. Его другая кличка – Немец. Он неплохо болтает по-немецки. И еще деталь: говорят, будто бы он носит с собой массивный серебряный портсигар. На одной

стороне по серебру золотые полоски, а на другой – золотой контур католического собора. И под ним надпись – Кельн.

– Мне этот портсигар уже нравится.

– Вещь уникальная, – мрачно кивнул Богатырев. – Его бы в наш ведомственный музей, где хранятся орудия убийства и личные вещи известных бандитов и мокрушников. Этот портсигар известен тем, что многих своих жертв Тухлый заставлял перед смертью расписаться гвоздем на одной из внутренних крышек. Да, да... Расписаться или имя поставить. Печатными буквами. Так вот, внутри вроде бы и места почти не осталось. Так много там имен.

– Как же это ему удавалось? Ну, заставить своих жертв расписаться на портсигаре? Никто этого делать не станет. Все равно умирать...

– Значит, есть у него какие-то хитрые приемчики. Это ты сам у Тухлого спросишь. Если представится случай. Хотя вряд ли... Он теперь в Москве редко бывает. Не вылезает из заграницы: Западная Европа, Северная Америка. Но мы отвлеклись от главной темы. Вот почитай эту статейку и скажи свое мнение.

Богатырев протянул Девяткину газету. Речь шла о том, что приемная дочь Дробыша Инна вместе со своим учителем английского языка приехала в отделении полиции. Если верить заявлению, то уже давно, более двух лет, Инна якобы подвергается сексуальному насилию со стороны своего отчима. Полицейские записали показания потерпевшей и начали проверку. Девочке посоветовали вернуться домой.

В ходе расследования блюстители порядка допустили все возможные и невозможные нарушения уголовно-процессуального кодекса. Незаконный допрос несовершеннолетней падчерицы, возбуждение уголовного дела без достаточных на то оснований и прочее, и прочее.

Пришлось вмешаться прокуратуре, которая остановила полицейский беспредел, закрыв уголовное дело. Инна отказалась от показаний, которые она дала против своего отчима. По мнению автора газетной статьи, за действиями полицейских угадывается чья-то рука, которая их направляла, ими руководила. Имена врагов Дробыша известны. Эти люди уже не раз пытались скомпрометировать честное имя предпринимателя и погубить бизнес, который он строил всю жизнь.

Казалось бы, история кончилась, дело закрыто. Но как только страсти немного утихли, Инна пропала из дома. Есть подозрения, что ее похитили те же люди, что сфабриковали уголовное дело против бизнесмена. Полиция не торопится искать пропавшую девочку, а Дробыш безутешен.

Дальше газета перечисляла добродетели Дробыша. Он человек, который думает об интересах Родины, а не о толщине своего кошелька. Он чувствует социальную ответственность перед согражданами и государством, бескорыстно помогает армии, поставляя бесплатное продовольствие в одну из дивизий, дислоцированную под Москвой. Он известный меценат, не раз жертвовал деньги на нужды инвалидов и сирот. И так далее в том же роде.

Инну он воспитывает один после смерти ее матери, занимавшейся бизнесом. Он стал для девочки самым близким человеком, взвалив на себя груз ответственности за ее судьбу, образование и воспитание. Инну и Дробыша связывает настоящая, бескорыстная любовь отца и дочери... Девяткин отложил газету.

– Хоть икону с Дробыша пиши, – сказал он. – К тому, что полицию поливают грязью, мы привыкли. Статью он заказал и проплатил – это ясно.

– Статью прочитали большие люди, – сказал Богатырев. – И наш министр имел бледный вид, когда ему задали несколько вопросов, касающихся этой истории. Отвечать было нечего. Министр расстроился. Он вернулся к себе. И других людей расстроил, которые ниже по должности и званию. Он приказал провести расследование этой истории. И особо подчеркнул, что расследование должно быть честным и объективным. Он приказал привлечь лучшие кадры.

Мне позвонили из министерства... И я решил, что ты справишься. Знаю, дело не по твоей специальности, ты убийствами занимаешься. Но мне нужен энергичный сыщик, с опытом.

– Спасибо за доверие, но...

– Я уже доложил начальству, что этой историей займешься именно ты, – сказал Богатырев. – Начни сначала. Учитель английского, который привел Инну в отделение полиции, где девочка дала показания об изнасилованиях, тоже исчез. Возможно, он помог Инне сбежать из дома. Твоя задача – найти девочку. Когда ты ее найдешь...

– Вы верите, что она жива?

– У тебя уже есть своя версия событий?

– Такие случаи в моей практике были, – кивнул Девяткин. – Я думаю, что Дробыш избивал и насиловал падчерицу. Девчонка не смогла терпеть этого дальше. Когда Дробыш отбыл за границу, они с учителем пришли в полицию. А этот учитель оказался совестливым честным человеком, решил ей помочь. Но полицейские вместо того, чтобы спрятать падчерицу от отчима, отослали ее обратно домой. Это главная ошибка. Дробыш вернулся, он заставил Инну отказаться от показаний, данных в полиции. Затем убил девчонку, инсценировал ее похищение. Чтобы не болтала лишнего. Ну, и учителя заодно прибрали...

– Может быть, ты прав, – кивнул Богатырев. – Но пока нет трупа, слова остаются словами. Значит, тебе надо найти труп. Или два трупа. Учителя и девочки. Теперь иди и работай. Можешь обращаться ко мне по любому поводу. Прослушка телефонов без санкции суда, оперативное наблюдение, – это не проблема... Главное, доведи расследование до конца. Если Дробыш виновен... Мы сделаем все, чтобы его посадить.

* * *

Радченко сел на водительское место, завел машину и включил кондиционер. Наумов сел рядом, долго копался в карманах, будто что-то искал, но не мог найти. На самом деле он ничего не потерял, просто эта была старая привычка: в минуты волнения залезать в карманы и копаться в них. На этот раз он вытащил пачку сигарет, но Радченко сказал, что его жена не переносит запах табака.

– Никогда не видел людей вроде тебя, – сказал учитель. – Ну, которые ездят на последней модели БМВ и покупают левые костюмы у китайцев.

– Ты только это хотел сообщить?

– Не горячись, – Наумов спрятал сигареты. – Я работал у Дробыша два года. На это место меня рекомендовал старый приятель. Меня предупредили: Дробыш человек строгий, соискателей на место репетитора много. Наверняка придется пройти экзамен. Но дело того стоит, ты хорошо заработаешь. Дробыш считать деньги не привык. Но никакого экзамена не было. Он уделил мне всего минуту. Видимо, уже навел справки и все решил. Спросил, смогу ли я на своей машине три раза в неделю приезжать в загородный дом или в квартиру на Ленинском проспекте, чтобы позаниматься с Инной пару часов. Получил утвердительный ответ и сказал, что можно начинать с понедельника.

Наумов уперся подбородком в ладонь, это была еще одна его привычка – в минуты задумчивости прижать подбородок к раскрытой ладони. И несколько раз провести пальцами по щекам. Когда он справился с волнением, то заговорил медленнее, тщательно подбирая слова.

Он рассказал, что занятия с девочкой оказались нетрудными. Инна хватала материал налету. Она вообще очень способная, отличная память, умеет слушать человека. Сразу стало понятно, что ей не хватает общения. Этот пробел заполняли книга, учеба. Дробыш в то время запретил Инне ходить в школу. Конечно, он не стремился дать падчерице прекрасное образование, нет. Он хотел изолировать ее от внешнего мира, оградить от контактов со сверстниками.

Девочка оказалась способной, но довольно замкнутой. Казалось, окружающий мир был отделен от нее стеклом. И переходить на ту сторону стекла было строго запрещено. Первое время она редко задавала не относящиеся к делу вопросы и не болтала на отвлеченные темы. Голос у нее был тихий и какой-то грустный, будто она знала, что дальнейшая жизнь не будет счастливой.

Она казалась не по годам сосредоточенной, какой-то тревожной. Сидела, держа спину прямо. Казалось, она прислушивается к звукам, доносящимся из коридора: скрипу паркета, чьим-то голосам. Чисто и опрятно одевалась, но больше всего в глаза бросалась ее бледность. Она нечасто выходила из дома. Во время недолгих загородных прогулок за ней присматривал кто-то из людей Дробыша, то ли его телохранителей, то ли слуг.

Постепенно, раз от разу Инна стала больше говорить, задавать какие-то вопросы и даже улыбаться. Оказалось, что она увлекается рисованием, старается писать акварелью. Но пока плохо получается, маслом вышло бы лучше. Но учительница рисования, которая занималась с Инной по субботам, не разрешала пользоваться масляными красками. Пока следует сосредоточиться на карандашных рисунках и акварелях, – так она говорила.

Как-то зимой после урока Инна показала Наумову кинотеатр, который был оборудован в подвале. Настоящий зрительный зал с четырьмя рядами кресел и большим экраном. На креслах лежали программки, похожие на ресторанные меню. Там было примерно два-три тысячи фильмов, которые можно посмотреть. Среди них много фильмов совсем не детских. Некоторые можно назвать эротикой, но было и кое-что покруче. В другой день она показала учителю спортивный зал, где стояло несколько тренажеров, висели боксерские мешки и много железа. Была даже олимпийская штанга. С ней упражнялся Дробыш.

Инна начала заниматься с легкими гантелями. Наумов до армии два года был студентом физкультурного института, имел разряд по легкой атлетике. Он тогда сказал, что отягощения Инне не нужны, пока продолжается рост организма. Надо научиться работать с весом собственного тела. И показал комплекс упражнений.

– Я хочу стать сильной, – сказала Инна. – И набить морду одному человеку. Я все равно буду поднимать гантели.

Наумов вскоре почти забыл бы об этом эпизоде, но помешали дальнейшие события. Однажды он увидел на лице Инны синяк, потом кровоподтек на скуле. В другой раз синяки на предплечьях. Это были пальцы, сдавившие руку и отпечатавшиеся на коже. Позже он не раз видел девочку заплаканной, с опухшими глазами.

Наумову делал вид, что ничего не замечает, ему было тяжело и стыдно смотреть на это, но он хорошо понимал, что сделать ничего не может. Если он хочет помочь девочке, то надо точно знать, как именно помочь. Обратиться в полицию, прокуратуру, органы опеки... Наумов пригласил в ресторан своего школьного приятеля, заместителем начальника одного из отделений полиции Москвы, чтобы посоветоваться. Знакомый коротко и ясно объяснил, что к чему.

Наумов может прийти в Главное управление внутренних дел Москвы с заявлением. Так и так, некто Дробыш истязает свою падчерицу. Но это заявление не регистрируют, так как бумага не подкреплена никакими доказательствами. А в городе столько людей подвергается домашнему насилию, что не хватит тюрем пересажать виновных. Да и вообще это несерьезно.

– Я в органах одиннадцать лет, – сказал полицейский. – Но не помню случая, когда посадили отца или отчима за избиение ребенка.

– Но что-то надо делать, – сказал Наумов.

– Если что-то хочется сделать, сделай вид, что ничего не происходит, – был ответ. – К сорока годам пора повзрослеть. В России ежегодно от рук родителей гибнут сотни детей. И это официальная статистика, которая занижает реальную цифру в пять, а то и в десять раз. И никому нет дела до несчастных деток. Об этом не снимают кино и не говорят по радио.

Потому что взрослые заняты другими проблемами. А ты что предлагаешь? Из-за пары синяков человека к уголовной ответственности привлечь? И какого человека – Дробыша?

Вот и весь разговор. Был случай, когда Наумов зимой приехал в квартиру на Ленинском проспекте. Какой-то мордоворот встретил учителя в дверях, куда-то повел бесконечным коридором. И, показав на стул, стоявший в темном коридоре, велел ждать. За стеной играла музыка, слышались голоса, какой-то скрип. Наумову казалось, что сквозь эти звуки он слышит стоны Инны, ее голос, ее плач. Потом послышался звон битого стекла, все звуки пропали.

И в наступившей тишине стало слышно, как Дробыш кого-то кроет матом. Послышался крик, то ли детский, то ли женский. И снова из динамиков ударила музыка. Учитель ждал долго, но, кажется, про него забыли. Он сидел на стуле в коридоре, от нечего делать вспоминал старые стихи. И шептал себе под нос полузабытые строфы.

Наконец из ближней комнаты вышел Дробыш. Он был пьян. Из одежды на нем были только шелковые желтые трусы. Ступня левой ноги была глубоко порезана, стеклом или чем-то острым. На паркете оставались кровавые пятна. Он остановился, посмотрел на учителя, поднявшегося со стула.

– А, это ты, – Дробыш подтянул трусы. – Как там точные науки? Развиваются в правильном направлении? Или как?

– Я преподаю английский, – ответил Наумов.

– Виноват, запамятовал, – усмехнулся Дробыш. – Ты поправляй меня, когда я ошибаюсь. Вот что... Сегодня уроков не будет. Мой человек тебе заплатит. Все. Свободен.

Дробыш повернулся и заковылял прочь. Именно в тот день в душу Наумова вошла та мерзкая догадка, которая потом долго не давала покоя. И, в конце концов, оказалась правдой. Позже Наумов не раз видел Дробыша, расхаживающего в одних трусах по своему дворцу. Он не стеснялся ни слуг, ни учителей падчерицы, ни самой Инны. Как-то после окончания урока Наумов напрямик спросил Инну:

– Чем тебе помочь?

– Хочу убежать отсюда, – ответила она. – Но пока не знаю как.

Наумов замолчал и снова сунул руки в карманы, будто что-то искал. Радченко барабанил пальцами по баранке и хмурился.

– Она мне передала фотографии, – сказал Наумов. – Порнографические фотографии. Фото сделал Дробыш своим мобильным телефоном, распечатал на принтере и бросил на столе. Инна незаметно украла несколько фотографий. На большинстве карточек ее лицо закрыто длинными спутанными волосами. Но узнать Инну можно. Я посмотрел эти снимки... И моя душа словно почернела. Такие дела...

– Полчаса кончились, – сказал Радченко. – Я опаздываю.

– Но я не договорил...

– Слушайте, Вадим, девочка у вас?

– Она не у меня. Но она в безопасности.

– Вы знаете, что вас ищет не только полиция. Но и люди Дробыша?

– Я принял меры предосторожности, – сказал Наумов. – Я не появляюсь дома. Не ночью две ночи в одном месте. И так далее.

– Вы смутно представляете себе силы и возможности этого человека, – сказал Радченко. – Вас найдут не сегодня, так завтра. О том, что произойдет дальше, я могу только догадываться.

– Послушайте, ведь ваш контракт с Дробышем закончился? Вот и хорошо. Теперь вы свободны?

– Ну, это смотря для чего.

– Я рассчитываю на вас, – сказал Наумов. – Мы с Инной за два этих года стали почти друзьями. Я единственный человек, на которого она может в полной мере положиться. Сейчас мы подобрались к главному вопросу. Прошу вас стать адвокатом Инны. Я не самый бедный

человек. У меня две хорошие квартиры в Москве. Одну квартиру, что досталась от матери, я заложил. И получил приличные деньги. Готов заплатить вперед наличными. По самым высоким расценкам.

– Я работаю не сам по себе, – сказал Радченко. – Не на вольных хлебах. Работаю на адвокатскую контору с громким именем. И с высокой репутацией. А репутация в наше время – это хорошие отношения с сильными мира сего. Мой шеф никогда, ни при каких обстоятельствах, не разрешит мне взять ваше дело. Дробыш – его постоянный клиент. Поэтому ничем не могу помочь. В Москве много хороших адвокатов. Хотя... И они вряд ли помогут.

– Но послушайте... Неужели мы все превратились в таких сволочей? Стали такими скотами, что чужая беда нас даже краем не касается... Неужели ничего святого кроме денег в этом мире уже не осталось? И у нас остался единственный принцип: все на продажу. Совесть, честь, правда... Все. Неужели этому проклятому городу плевать на жизнь ребенка?

Радченко вытащил визитную карточку и вложил ее в ладонь Наумова.

– К сожалению, нет времени, – повторил он. – Нет времени на патетику. Обещаю, что от меня о нашей встрече никто не узнает. Вам советую немедленно посадить девочку в такси и отправить ее к отчиму. Или в ближайшее отделение полиции. Тогда, возможно, у вас будет шанс спасти жизнь. Тогда в частном порядке я готов похлопотать...

– Не стоит себя утруждать. Черт... Я зря потерял время. Слушайте, я вам вот что скажу: вы самодовольный человек, который вспоминает о человеческой совести, когда это выгодно. Но... По правде говоря, у тебя совести никогда и не было. Твое призвание – защищать жирных ублюдков вроде Дробыша. И ради денег топить беззащитных людей, детей...

– Полегче, ты...

Наумов даже договорить не смог, от злости у него перехватило дыхание. Он выскочил из машины, хлопнул дверцей и быстро зашагал к своему «Форду». Радченко проводил его взглядом. На душе было тяжело и тоскливо.

Глава четвертая

Створки ворот открылись, Девяткин проехал вдоль аллеи, свернул к большому дому, построенному в стиле русской дворянской усадьбы середины девятнадцатого века. Зелено-вато-серого цвета стены, высокие колонны с ионическими капителями наверху и фризами по периметру всего фасада. Во фризах вытесаны в камне эмблемы королевских домов Европы.

Девяткин вылез из машины, поднялся по белым мраморным ступеням на открытую веранду, где летним вечером смогли бы провести время, не мешая друг другу, полсотни гостей. Из двери, тоже украшенной классическими колоннами и окошком в виде старинного раскрытого веера, выскользнул человек. Согнувшись в полупоклоне, попросил у гостя ключи от машины. Следом появился второй слуга, одетый в такой же темный сюртук, сшитый на старинный манер. На ногах войлочные тапочки, чтобы не царапать мраморный пол.

Он распахнул перед гостем двери. Девяткин ждал, что слуга и его попросил снять обувь и переобуться в войлочные тапочки. Но мужчина лишь изобразил на лице натужную гримасу, отдаленно напоминавшую улыбку, и попросил следовать за ним. Прошли большой зал с полупрозрачным круглым куполом, венчавшим высоченный потолок, расписанный картинами из старинной русской жизни. Бескрайние поля пшеницы, где трудятся нарядно одетые крестьяне, церковь в свете заходящего солнца, дворец на другой стороне реки. На стенах с полуколоннами и золотыми портиками, повесили картины русских мастеров в массивных рамах и французские гобелены ручной работы, тоже в рамах под стеклом.

Свернули в широкий коридор, который привел к двустворчатой двери розового дерева. Слуга потянул латунное кольцо, торчащее из раскрытой пасти льва, и пропал. Девяткин оказался в огромном кабинете. Как и в зале, окон не видно, свет падал откуда-то сверху. Туда, под потолок, уходили шкафы с книгами, до которых достанешь только с пожарной лестницы. Пол покрывал персидский ковер, на стенах гравюры, выполненные на меди и серебре, в строгих тонких рамках.

Изредка Девяткину приходилось бывать в домах очень богатых людей, но этот дом чем-то отличался от тех, что он видел раньше. Тут не было и капли человеческого уюта, семейной теплоты. Может быть, тому виной мраморные полы, высокие потолки, рассеянный холодный свет, льющийся сверху. И пронзительная тишина, когда хочется молчать, а если говорить, то шепотом. Кажется, что попал не в жилище человека, а в казенное учреждение или в церковь.

За огромным письменным столом сидел крупный мужчина лет сорока с гаком. Короткая стрижка темно русых волос, открытый взгляд серо-голубых глаз. Приятные правильные черты лица можно назвать мужественными, но дело портил легкий какой-то женственный подбородок, пухлый, с ямочкой посередине.

Девяткин задержал взгляд на двух самурайских мечях с длинными рукоятками, висевших на стене за спиной хозяина – знаки власти и силы. Видно, что вещи старинные, настоящие. Человек отодвинул бумаги, бросил ручку на чернильный бронзовый прибор, похожий на огромный утюг. Быстро поднялся, подошел, крепко пожал руку гостю, усадил его в кресло на гнутых ножках, но сам остался стоять.

Без долгих предисловий Дробыш предложил перейти на «ты». И сделал это первым. Он побродил по комнате. Наконец, сел на угол стола так, что одна нога раскачивалась, а другая упиралась в пол.

– Знакомые лица, – Девяткин кивнул на фотографии, стоявшие на отдельном столике у стены. – Среди прочих – Стас Тухлый. Он же Немец. Старый знакомый. Я его как-то задерживал... За незначительное правонарушение. Челюсть сломал одному мужчине. И что-то с женщиной сделал. Голову проломил что ли...

– Ну, Тухлым он был давным-давно, – Дробыш печально улыбнулся. – В другой жизни. На заре туманной молодости. Но кто из нас не совершал ошибок? Теперь это крупный бизнесмен, уважаемый человек Станислав Грибков.

– Да, да, бежит время, – рассеяно кивнул Девяткин. – Мчится.

– Как тебе мои апартаменты? – спросил Дробыш, но снова не стал дожидаться ответа. – Понимаю... Мне самому тут не того... Чувствую себя... Ну, будто это не мой дом. Архитекторы тоже допускают ошибки. Кстати, из Франции специалист. Рекомендовали как очень толкового, но... Я ему говорил, что не надо огород городить. Все эти излишества, колонны, портики, широкие каменные лестницы, – слишком напыщенно, вычурно. А я человек простой, мне эти художественные излишества ни к чему. Но парень заупрямился. Я решил не мешать. И поплатился. Не люблю бывать в этом доме.

Девяткин вспомнил свою холостяцкую малогабаритную квартиру, пыльную и жаркую летом, холодную зимой. Окна, выходящие на вытоптанное пространство заднего двора и противотуберкулезный диспансер, где днем коротают время больные люди, а ночью их место занимают бродяги. Вспомнил разговоры соседей, хорошо слышные через стену. И кивнул, стараясь выразить понимание и сочувствие трудной жизни Дробыша.

– Да, места много, – сказал он. – Настоящий дворец. Но уюта не хватает.

– Представляешь, каково мне тут? – вздохнул хозяин. – Особенно одиноко осенью. Дождливыми вечерами, когда слуги уходят в свой флигель, а я остаюсь один. Ветер, дождь... Чувствую себя хранителем музея. Только для кого я стараюсь? Инны теперь нет... Прости, у меня взвинченное настроение, не могу в себя прийти. Без сна уж которую ночь. М-да, на валидоле...

– Напрасно. Надо сохранять спокойствие именно сейчас.

– Какое тут к матери спокойствие... Сначала учитель моей дочери утверждает, что я насиловал Инну. Я был за границей и не сумел прекратить все это издевательство на ранней стадии, когда уголовное дело еще не возбудили. А когда вернулся, просто впал в ступор. Сюда явился следователь, в комнатах Инны провели обыск. Затем эту девочку, еще в сущности ребенка, допросили в присутствии двух моих адвокатов. Естественно, Инна расплакалась, у нее началась истерика. На следующий день меня повесткой вызвали в полицию. Я ответил на все вопросы, на все их унижительные дикие вопросы. Но меня вызывали еще раз. И снова спрашивали о том же самом. Прокуратура разобралась по существу. Эту жалкую самодеятельную постановку прекратили.

Дробыш замолчал, взял с кофейного столика салфетку и вытер лоб.

* * *

Вернувшись вечером в загородный дом, который снимал на лето и осень, Радченко наскоро поужинал. И сидел в кухне, раздумывая, как убить вечер: поработать, или устроиться у телевизора в большой комнате. Провести часок вместе с женой и годовалым сыном, а потом дочитать фантастический роман. Радченко прошел по коридору, на ходу прихлебывая кофе из большой кружки, остановился перед лестницей, ведущей на второй этаж. Звук телевизора кто-то включил на всю катушку. Даже здесь слышна музыка, аплодисменты зрителей и бодрый голос ведущего передачи «Любовь приходит и уходит».

На душе было беспокойно, смотреть всякую муру про чужую любовь расхотелось. Радченко поднялся наверх, закрылся в кабинете, сел за письменный стол у окна. Он включил настольную лампу, хотя было еще светло, и стал перебирать бумаги. Еще раз перелистал досье Дробыша, но почувствовал, что не может сосредоточиться на чем-то важном. Не давала покоя какая-то догадка, посетившая его за ужином, и забытая в следующую секунду. Надо вспомнить...

Итак, полчаса назад он сидел на кухне, устроившись за стойкой на высоком табурете. И думал о Дробыше и его падчерице. Тут вспомнилось что-то важное, дата или цифра, которую он встретил, читая досье, но тогда не придал этому значение. Цифра или дата...

Он дождался бутерброд. И тут на кухню вошла жена, вернувшаяся после прогулки, она о чем-то спросила. Если быть точным, спросила, не было ли звонка из детской поликлиники. На пятницу она записала Максима к врачу, ребенок последнюю неделю стал беспокойным, он плохо спит и чаще плачет. Врач обещал позвонить и сказать время, когда он будет свободен. Но почему-то до сих пор звонка не было. Радченко ответил, что никто не звонил, он впился зубами в бутерброд, забыв ту важную цифру или дату из досье. Склероз...

Закрыв папку, он стал смотреть в окно. Видны стволы сосен, желто-розовые в свете заходящего солнца. На соседнем участке подростки, мальчик лет тринадцати и девочка чуть постарше, играли в бадминтон. А, вот оно что... Радченко снова открыл папку, заглянул на последнюю страницу. Вот оно... Свое завещание Марина Осипова, мать Инны, юридически оформила за неделю до смерти. Деньги, полученные от продажи бизнеса, помещены в банк.

По завещанию все деньги Осиповой должны перейти ее дочери, когда той исполнится шестнадцать лет. Инна вправе распоряжаться унаследованными деньгами как ей вздумается. В том случае, если с девочкой после наступления совершеннолетия случится несчастье, которое приведет к гибели или тяжелым увечьям, деньги переходят к ее ближайшим родственникам. Ближайшие родственники...

Радченко вернулся к началу досье. На первой странице перечислены все родственники Инны, близкие и дальние.

Отец – Осипов Сергей Николаевич, профессиональный художник-модернист. Рано потерял родителей, его вырастила бабушка. С детства проявил способности к рисованию. Окончил высшее художественное училище с отличием. Карьера складывалась весьма успешно, быстро продвинулся, стал модным художником. На заказ рисовал портреты богатых и влиятельных людей, бизнесменов, политиков, деятелей искусства.

Последние годы много пил. Лечился от алкоголизма, но безуспешно. Запой повторялись регулярно. Постепенно растерял выгодных клиентов. Расстался с женой, матерью Инны. С ребенком встречался нечасто, от случая к случаю. После пожара, случившегося в его доме и студии, остался без жилья и почти без денег. По версии следователей уголовного розыска, Осипов погиб, провалившись под лед, когда переходил Москва реку зимой. Это случилось около двух лет назад. Поскольку останки не обнаружены, официально он считается пропавшим без вести.

Тетка – Роза Смирнова, сорок восемь лет. Проживает в Калуге. Состоит в разводе, есть взрослый сын. Двоюродный брат Инны женат, живет на Украине. Контакт с двоюродной сестрой не поддерживают. Дед и бабка со стороны матери умерли. Вот и вся родня.

Итак, есть только один человек, который по закону может предъявить права на деньги Инны в случае ее смерти. Приемный отец Игорь Дробыш.

Радченко покашлял в кулак. И подумал, что Дробыш наверняка воспользуется своим правом, как только Инне исполнится шестнадцать... А это случится, наверняка случится. Нет сомнения, все так и будет. Несчастный случай, пожар, автомобильная авария или что-то в этом роде. Он пошуршал страницами. Инне исполнится шестнадцать лет всего через месяц с небольшим. Дробыш, похоже, не испытывает симпатии к своей приемной дочери, но любит деньги. Ему никто не сможет помешать. А закон чаще всего на стороне негодяев.

Радченко закрыл папку и отодвинул ее от себя, жалея, что разговор с Наумовым закончился как-то нелепо, на полуслове. Надо было договорить, поставить логическую точку. А теперь, пожалуй, не мешает отвлечься от грустных мыслей. Пока светло, можно вывести из гаража мотоцикл. Сегодня он получил новый «Харлей», но еще не успел покататься в свое

удовольствие. Радченко уже поднялся из-за стола, когда зазвонил телефон, голос Вадима Наумова доносился откуда-то издалека.

– Простите, я наговорил лишнего, – сказал учитель.

– Ничего. Приходится и не такое выслушивать. Вы отправили Инну домой?

– Даже не подумал, – Наумов говорил шепотом, будто боялся, что разговор подслушивают. – Дима, мне необходима строчная помощь. Я понимаю, что эти приключения вам нужны, как боль в животе... Но мне больше не к кому обратиться. Нужно срочно встретиться. Я скажу что-то важное, чего нельзя сказать по телефону. В запасе мало времени. Мне кажется, что меня нашли. За мной следят.

– Девочка с вами?

– Да, она со мной в машине.

– Где вы? – услышав ответ, Радченко на мгновение задумался. – Тогда езжайте по шоссе до тридцатого километра. Там неподалеку от заправки мотель и ресторан «Бриз». Позади обеденного зала летняя веранда. И автомобильная стоянка тоже сзади. Закажите что-нибудь и ждите за столиком. Инна пусть остается в машине. Путь заблокирует двери и не выходит, что бы ни случилось. Я буду через сорок минут. Если в пробку не попаду.

Он надел кожаную куртку, спустился вниз. Жена сидела в кресле у телевизора и разговаривала по телефону.

– Я вернусь через час, – сказал Радченко. – На мотоцикле прокачусь.

Жена оторвалась от трубки.

– Дима, пожалуйста, купи хлеба. Ни крошки не осталось. И молока тоже.

Он завернул в гараж, взял черный интегральный шлем с прозрачным забралом, гаечный ключ. Немного повозился, снимая с мотоцикла номер. Через пять минут он выехал на шоссе и понесся вперед.

* * *

Дробыш смял салфетку в кулаке и положил в пепельницу.

– И вот пропала Инна. Вышла из дома и... Погода в тот вечер была прохладная, лил дождь. По периметру дом обнесен забором, территорию охраняют. Но ворота и калитку до десяти тридцати вечера не запирают. В десять тридцать выпускают собак. На заднем дворе в будке сидит охранник. Я уже все рассказывал тем полицейским, которые были здесь в первый день после исчезновения. Итак, охранник видел, как за забором несколько раз мигнул электрический фонарь или автомобильные фары. Он подумал, что на дороге разворачивается какая-то машина. На всякий случай он вышел из своей будки, дошел до ворот, посмотрел за калитку. Ну, дождь как из ведра. Темнотища. Он никого не заметил, решил, что чужая машина уехала. И вернулся назад.

– Разумеется, того охранника вы уволили?

– Ни в коем случае, – улыбнулся Дробыш. – Если человек в чем-то виноват, я даю ему шанс исправиться. Пусть работает. Я даже премии его не лишил. Вообще я слишком либерален с охраной. Настолько либерален, что эти ребята уже сели мне на шею. Охранники в рабочее время заняты чем угодно только не работой. Смотрят телевизор, играют в карты...

– Распустился народ, – кивнул Девяткин. – Хорошего отношения люди не понимают.

– Большой вины охранника тут нет, – сказал Дробыш. – Инна вышла через заднюю дверь, спустилась с крыльца. В тот вечер над крыльцом не горела лампочка. Она, видимо, пряталась за кустами, когда двигалась к калитке. Поэтому ее никто не заметил. Один из полицейских сказал, мол, она могла сесть на попутную машину и доехать до Москвы. Но наверняка все было иначе. Ее выманили из дома, чтобы похитить. За воротами ее уже ждали. Может быть, ей что-то пообещали... Не знаю.

– Я читал протокол допроса свидетеля, – кивнул Девяткин. – Но хотелось бы лично поговорить с охранником.

– Разумеется, сейчас его смена.

Дробыш снял трубку. Через пять минут в кабинет вошел хорошо одетый человек средних лет. Он сказал, что дежурил в ту ночь, когда пропала девочка. Девяткин задал полтора десятка уточняющих вопросов. Человек отвечал гладко, без запинки. Повторил то, что было записано в протоколе, слово в слово. Парня пришлось отпустить.

– Вы подозреваете конкретного человека? – спросил Девяткин, когда охранник закрыл за собой дверь.

– Никого. И всех. Я торчу у телефона и жду звонка похитителей. Ваш начальник из Главного управления внутренних дел Москвы сообщил, что мои телефоны поставлены на прослушивание. За моими квартирами и загородными домами установлено наблюдение. Потому что похитители могут появиться где-то в окрестностях. Ну, если полиция считает, что это необходимо... Не возражаю. Чувствую себя как муха, которую накрыли стаканом. И теперь разглядывают через стекло.

– Похитители выдвигают требования в течение первых трех дней с момента похищения, – сказал Девяткин. – Это обычная практика: на третий-четвертый день похитители дают о себе знать. Прошла неделя. И ничего. Возможно, вы все-таки вспомните какое-то имя. Человека, которому вы перешли дорогу, у которого были причины для личной мести. Если нет конкретных фактов, остается интуиция. Я в нее верю.

– У меня полно врагов, – сказал Дробыш. – Когда занимаешься большим бизнесом, ты всегда на виду. Ты окружен подхалимами, нахлебниками, ворами. И никогда не знаешь, кто воткнет нож в спину. Такова логика жизни в России. Вокруг слишком много зависти.

– Как насчет моего вопроса: вы кого-то подозреваете?

– Я же сказал: нет. В этой истории может быть замешан кто угодно. Слуга, которого я турнул год назад за разгильдяйство. Или шофер, которому я дал под зад коленом. Или компаньон, с которым мы когда-то делили бизнес. И он подозревает, что дележ был нечестным. Это мог сделать тот сумасшедший учитель английского языка. Как там его... Ну, который обвинил меня в изнасиловании. Не мое дело придумывать версии. Это по твоей части.

– Кстати, об изнасиловании, – Девяткин достал из кармана блокнот и перевернул пару страничек.

– Послушай, то дело об изнасиловании закрыто, – поморщился Дробыш. – Навсегда. Давай не будем об этом?

– Хорошо, – кивнул Девяткин. – Вы предпринимали попытки найти Инну? Например, через свою службу безопасности?

– Нет. Искать пропавших людей дело полиции. Наверняка ты хотел посмотреть комнаты моей дочери? Я всегда называл Инну дочерью. Тогда пойдем.

* * *

Большое с тремя окнами помещение на втором этаже мало походило на комнату, где живет девочка-подросток. Мебель под старину была слишком громоздкой и темной. Большой письменный стол напоминал рабочее место чиновника. На нем стояла массивная бронзовая лампа и чернильный прибор, совершенно новый, которым, видимо, никогда не пользовались. Большая плазменная панель в другом углу. Внизу на полке игровая приставка. Рядом открытые книжные шкафы, заставленные энциклопедиями, словарями и справочниками. На стенах, окрашенных в светло-серый цвет, картинки, написанные акварелью, в светлых рамах: ромашковое поле, березовая роща, лесная дорога.

– Это Инна сама рисовала, – сказал Дробыш. – Ее отец был художником. И у нее талант... Как бы по наследству перешел. Можешь осмотреть все, что угодно. Стол, стенные шкафы... Без лишних церемоний.

– Нет необходимости, – покачал головой Девяткин. – Я видел фотографии, читал протоколы осмотра места происшествия. Ну, которые мои коллеги составили на следующее утро после происшествия. Где спальня Инны?

Они снова оказались в полутемном коридоре. Дробыш открыл дверь, пропустил гостя вперед. И эта комната Девяткину тоже не понравилась. Полы деревянные, стены покрыты светло-фиолетовой краской, высокие окна занавешены тяжелыми портьерами. Огромная кровать под балдахином из полупрозрачной ткани. Помнится, такую кровать, строгую и величественную, Девяткин видел в костюмированном фильме из старинной жизни.

Еще тут стояла пара старинных комодов, выдвижные ящики украшены медными уголками и ручками в виде каких-то ягод. Рядом два зеркала в человеческий рост, макияжный столик. На прикроватных тумбочках несколько фотографий в серебряных рамках. Девяткин включил ночник – так мало было здесь света, наклонился и стал разглядывать поблекшие цветные фотографии. На тумбочке едва заметный слой пыли. А на блестящих серебряных рамках пыли нет. Видимо, фото поставили сюда недавно. Может быть, сегодняшним утром, перед его приездом.

Дробыш подошел ближе, показал пальцем на одну из карточек.

– Это фотография покойного отца Инны, – сказал он. – Все-таки я ей не родной отец. Девочка не должна забывать своих родителей. Это правильно. Это справедливо.

– Конечно, – кивнул Девяткин. – Не должна. У вас есть последние фотографии Инны?

– Она не любила, когда ее снимают, – сказал Дробыш. – Не знаю, почему. Не любила – и все. Но вот эта карточка... Можете забрать, если нужно.

Он взял фотографию с комода, вытащил ее из серебряной рамки и протянул Девяткину. Снимок в полный рост. Дробыш с Инной стояли на каком-то причале. За спиной высились небоскребы. Изображение довольно мутное, лица не в фокусе.

– Я брал Инну с собой, когда несколько месяцев назад был в Филадельфии. Это самая свежая карточка.

– Спасибо, – Девяткин опустил фото в карман.

Он подошел к окну, отдернул занавеску. Окна спальни выходят на задний двор. Метров сто пятьдесят отделяет дом от ворот и калитки, через которую предположительно вышла девочка. Тот вечер воссоздан почти по минутам. Если верить протоколам, последние часы она провела перед этим вот окном. Сидела на стуле, как приклеенная. Слуга трижды приходил сюда, чтобы сказать, что ужин готов. Но девочка продолжала сидеть на стуле и смотреть в окно, от еды она отказалась. Ясно, что Инна ждала сигнала. Кто-то с дороги должен был мигнуть фонариком или фарами. По-другому подать сигнал просто невозможно.

У Инны не было мобильного телефона. Дробыш не хотел, чтобы она поддерживала контакты с легкомысленными сверстниками и бесцеремонными подростками, которые в этом возрасте начинают проявлять интерес к первым сексуальным опытам, поэтому все телефонные переговоры могли проходить только через стационарный телефон. Но вечером никто не звонил. Значит, она все-таки увидела тот сигнал с дороги. Инна надела плащ, взяла рюкзак с вещами, спустилась по темной лестнице, вышла во двор...

– Какое зрение у Инны?

– А, зрение... Кажется, нормальное. Она никогда не жаловалась.

– Спасибо, – сказал Девяткин, заканчивая осмотр. – Собственно, я приехал, чтобы услышать соображения о мотивах похищения. И еще хотел познакомиться.

Через десять минут он вышел из дома и сел в машину, которую подогнали к парадному крыльцу.

Глава пятая

Восемь с четвертью вечера. Путь занял ровно сорок минут. На задней парковочной площадке у ресторана «Бриз» Радченко оставил мотоцикл и пошел к летней веранде ресторана, держа шлем за ремешок. Ветерок колыхал темно-зеленый тент, натянутый над площадкой. Веранда была отделена от стоянки широкой полосой рыхлой земли с кустами камелий и веселенькими однолетними цветочками. За деревянным барьером, увитым декоративным плющом, между столиками сновали официанты. Народу к вечеру прибавилось, свободных мест почти не осталось.

У входа его встретила молодая девушка администратор. Радченко, заметив Наумова, сказал, что его ждет друг, прошел на веранду и сел за столик. Учитель сосредоточено жевал котлету, он глянул на Радченко и отложил вилку.

– На вашем мотоцикле нет номера, – сказал Наумов. – Полицейские не останавливают?

– Пытались. Но не догнали. Вы приехали один или с провожатыми?

– На стоянке с другой стороны серая «Ауди», – сказал Наумов. – В машине двое или трое. И вот еще машина. Следите за моим взглядом, справа «БМВ» черного цвета с затемненными стеклами. Двое провожатых сидят за столиком возле выхода на стоянку. Вы только что прошли мимо них.

– Что вы хотели рассказать?

Подошел официант, Радченко попросил принести стакан воды со льдом.

– На разговоры не осталось времени, – буркнул Наумов. – Инна все расскажет за меня. Я прошу вас: вывезите ее отсюда. Сейчас вы единственный человек, который может что-то сделать.

– Почему бы не вызвать полицию?

– Вы сами знаете ответ. В этом случае Инна переночует сегодня с Дробышем. А я в морге. На секционном столе.

– Не волнуйтесь вы так. Спокойнее.

– Я спокоен, – Наумов вытащил скомканный платок и вытер пот со лба.

– Да не тряситесь вы.

– Я не трясусь.

– Что я не вижу? – прошептал Радченко. – Как говорил классик: учитесь властвовать собой. У Инны есть мобильный?

– Да, я купил ей.

– Тогда позвоните ей. Спросите, видит ли она черный мотоцикл. Ну, который стоит наискосок от машины. Я заведу мотоцикл и остановлюсь рядом с вашей машиной. Пусть выходит. Идет ко мне и садится в седло сзади. У нее много вещей?

– Один рюкзак. Там кое-что из тряпок и все ее документы.

– Пусть наденет рюкзак еще в машине. Чтобы потом не терять времени. Когда мы уедем, вы некоторое время посидите за столом. Затем подойдите метрдотелю и скажите, что вы больной человек. Сердце прихватило. Он отведет вас в служебное помещение и вызовет «скорую». В помещении есть охрана. Подождете приезда полиции и «скорой». Тогда вас не тронут. Ясно?

– Куда уж яснее.

Наумов достал мобильник, отвернувшись, стал что-то тихо говорить в трубку. Радченко поднялся с места, взял шлем и неторопливо направился к выходу. Он не задержал взгляд на двух мужчинах средних лет, сидящих за крайним столиком возле выхода. Кивнув администратору, он спустился на три ступеньки и зашагал к мотоциклу. Остановился, застегнул «молнию» куртки, надел перчатки и шлем. Снял мотоцикл с подставки, залез в седло и завел мотор. Двигатель «Харлея» емкостью один и семь литров, перебирая холостые обороты, тихо заворчал.

Радченко, кося взглядом на веранду, видел учителя. Закончив телефонный разговор, он по-прежнему сидел за столиком возле перегородки и делал вид, что потягивает через соломинку холодную воду. Получалось как-то неубедительно. Рука подрагивала, лицо было покрыто розовыми пятнами, на шее появились узелки синих жил, а лоб блестел от пота.

* * *

Радченко тихо тронул мотоцикл и, сделав полукруг, остановился возле красного «Форда». Он мельком глянул в сторону машины. Девочка почему-то не выходила. Секундная стрелка наручных часов описала полукруг. Мужчины за столиком у выхода поглядывали друг на друга, кажется, они заподозрили неладное. Радченко подумал, что шлем надо бы отдать девчонке. Даже хотел снять его, но передумал. Тогда он не сможет быстро ехать, на скорости глаза будут слезиться от ветра. А залетевшая в глаз мошка может стать причиной аварии.

Люди Дробыша поднялись из-за стола. Это были два крепких мужчины в приличных костюмах. Тот, что повыше, с прилизанными седыми висками, бросил на стол деньги. Серый хорошо отутюженный пиджак не застегнут, слева заметна округлость подплечной кобуры. Учитель поднялся на ноги, сейчас он подойдет к администратору и скажет, что ему плохо. Вместо этого Наумов сделал несколько шагов вперед, остановился перед теми мужчинами и что-то сказал.

Водитель черной «БМВ», стоявшего в дальнем углу парковочной площадки, включил двигатель. Секундная стрелка прошла четверть круга. Почему девочка не выходит? Чего она там возится?

Радченко подумал, что события развиваются не по программе. Если «Ауди», стоявшая со стороны мотеля, перекроет выезд с парковочной площадки, все осложнится. И тогда уйти будет чертовски трудно. Учитель взял с чужого стола стакан, сделал пару шагов вперед и выплеснул воду в лицо мужчины с седыми висками.

Распахнулась задняя дверца «Форда». Долговязая девчонка с соломенными волосами до плеч, одетая в летние джинсы и красную кофточку, рванулась к мотоциклу. Попыталась забраться на заднее сидение, но сразу не смогла. Радченко обернулся, схватил ее под мышки двумя руками, приподнял над землей и помог сесть сзади.

Кто-то выскочил из темноты зала, ударил Наумова кулаком по шее. Но учитель устоял, успел быстро развернуться и пнуть нападавшего ногой в пах. Человек отлетел куда-то в сторону. Пронзительно закричала женщина. Люди поднимались из-за столиков, разбежались по сторонам. Кто-то выскочил из людского водоворота, ударил Наумова по голове.

Учитель упал спиной на столик, свалив на пол посуду. Но тут же поднялся, получил встречный удар в лицо. Кто-то повис сзади на его спине, пытаясь совершить удушающий захват. Другой человек снова ударил откуда-то сбоку. Учитель упал, схватил с пола горлышко разбитой бутылки и бросился в атаку, пытаясь дотянуться склянкой до своего обидчика. Радченко не увидел продолжения. Двое мужчин бежали к нему со стороны веранды, один полез в кобуру, кажется, он собирался вытащить пистолет.

– Держись, – крикнул Радченко, но голос, выходивший из-под шлема, за рокотом мотора был почти не слышен. – Держись крепко.

Он почувствовал, как девчонка ухватила его за талию, выжал сцепление и переключил передачу. Мотоцикл заревел, вырвался с тесной площадки. Объехал мотель и влился в поток автомобилей. Радченко занял правый ряд и врубил пятую передачу.

* * *

Багровое солнце уходило за лес, шоссе поднималось вверх. Если смотреть вперед, туда, где асфальт сходится с голубым покровом неба, кажется, что по дороге течет желтая река, размывавшая очертания автомобилей. Это горячий асфальт, впитавший зной прошедшего дня, медленно отдает тепло, остывает в ожидании скорой прохлады и ночного дождя.

Радченко увидел сзади в левом ряду черный «БМВ», прибавил газу. Выжав из мотоцикла сто десять километров, догнал седан цвета металлик, обошел его справа. Снова оказался в левом ряду, догнал другую машину, не уступавшую дорогу. Выскочил на встречную полосу и совершил весьма рискованный обгон. Радченко посмотрел в зеркальце, черный «БМВ» по-прежнему висел на хвосте.

Мотор заревел громче. Инна вжала голову в плечи, придвинулась еще ближе, изо всех сил вцепилась в кожаную куртку. Радченко подумал, что, может быть, выпадет минута, чтобы остановиться, отдать Инне куртку. Если на скорости сто километров девчонка сорвется с сидения и попадет под колеса идущих сзади автомобилей, – она погибнет. Но если машин сзади не окажется, шансы выжить есть. В этой ситуации кожаная куртка может защитить, обязательно защитит. По крайней мере, на асфальте не останется кусков человеческого мяса.

Радченко чуть сбавил скорость, обогнал машины, идущие в левом ряду, по встречной полосе, сейчас почти свободной. Занял место в среднем ряду, повиснув на бампере разогнавшегося грузовика. Его широкий кузов защитил от встречного ветра, давал Инне небольшую передышку, чтобы восстановить силы.

Водитель легковушки, идущей слева, опустил стекло и показал кулак. Вероятно, манера вождения Радченко показалась ему вызывающей.

– Тебе что, жить надоело? – заорал он, перекрикивая шум ветра. – И ребенка, гад, угробить хочешь?

Радченко выскочил в левый ряд. И снова увидел в зеркальце черный «БМВ», мчавшийся сзади. Преследователей отделяли от него корпус одного автомобиля. Надо что-то делать, но что делать? Он проскочил вперед, лавируя между машинами, но выгадал крохи, всего-то метров пятьдесят или около того. Дальше продвигаться между рядами стало невозможно. Впереди параллельно друг другу шли два грузовых фургона, между которыми не проскочишь.

– Ты как? – крикнул Радченко и, не услышав своего голоса, закричал сильнее. – Эй, как ты там?

Девочка что-то пискнула в ответ, но звук голоса был слишком слабым.

* * *

Наумов вынырнул из забытья, когда почувствовал боль в теменной части головы. Он открыл глаза и увидел мужчину в белом халате и такой же белой шапочке, врач сидел на четвереньках возле него и, низко наклонившись, обрабатывая рану на голове. Пахло спиртом. Наумов снова застонал, почувствовав жжение, которое быстро прошло.

Приподняв голову, посмотрел по сторонам. Он лежал на полу какой-то незнакомой комнаты, заставленной офисной мебелью. У окна письменный стол, вдоль стен открытые шкафы, забитые папками для бумаг. На кожаном диване сидел другой врач или санитар, тоже в халате и шапочке.

Наумов потрогал голову, обтянутую сеточкой. Эта сеточка фиксировала на темени большой марлевый тампон, смоченный антисептиком. Часть волос с правой части головы сбрита. Видимо, там большое рассечение. Врач не стал зашивать рану прямо сейчас, решив сделать это в больнице. Пиджак, заляпанный кровью, рубашку, ботинки и даже носки с него стащили.

Скомкав, засунули в прозрачный пластиковый пакет. На голом животе и груди повязки, которые уже успели пропитаться свежей кровью.

– Как самочувствие? – врачом оказался мужчина средних лет с приятным добрым лицом. – Голова не кружится?

– Все нормально, – тихо ответил Наумов. – Почти нормально...

– Лежите спокойно. Не напрягайтесь.

Врач взял пластиковую бутылку с водой, поднес к губам, чтобы можно было напиться. Наумов глотал холодную воду. Он пил ее, но не мог утолить жажду, такая была вода, приятная, сладкая. Только тут он заметил, что возле двери стоят двое полицейских в форме и мужчина в гражданском костюме с галстуком бабочкой и белым платочком, торчащим из нагрудного кармана. Лицо знакомое, кажется это хозяин или администратор ресторана «Бриз».

– Что со мной? – прошептал Наумов.

– Ничего смертельного, – ответил врач. – Гематомы, порезы в области груди и живота. Но задеты только верхние мягкие ткани. Я наложил повязки. Кровотечение еще до конца не остановилось. Поэтому не двигайтесь. Вы везунчик, все могло кончиться плохо. Совсем плохо. Тяжелыми ножевыми ранениями или переломом свода черепа. Вас ударили сзади бутылкой. Кто вы по профессии?

– Преподаватель в институте.

– Учите студентов, как затевать драки в ресторане? – усмехнулся врач. – Я бы не хотел, чтобы мой сын записался на ваш курс.

– Но я...

– Лежите. Вы увлекались спортом?

– У меня разряд по легкой атлетике, – прошептал Наумов.

– Может быть, это вас и спасло. У меня больше к вам вопросов нет. Но у полицейских вопросы будут. Не сейчас, конечно. Когда вы придете в себя. И сможете связно отвечать.

Голова кружилась, от слабости, ладони были влажными, пот высыпал на лбу. Наумов расслабился, решив, что лучше побереечь силы, которых и так немного осталось. Врач что-то сказал, махнул рукой. Один из полицейских и фельдшер подхватили Наумова за плечи и ноги, рывком подняли с пола и переложили на носилки. Он закрыл глаза, провалившись в забытие.

* * *

Ближе к Москве широкий газон, поросший пожухлой травой и огражденный невысоким каменным бордюром, поделил дорогу надвое. Теперь обгон по встречной не невозможен. Поток автомобилей стал еще плотнее, свободного пространства не осталось, теперь уж точно не удастся проскочить между рядами и уйти.

Машины замедляли скорость, впереди, в паре километров отсюда, перекресток. Радченко видел, что «БМВ» обошел слева седан, не уступивший дорогу, и вот-то выскочит сбоку. Чего ждать от преследователей? Скорее всего, пассажиры БМВ прострелят колесо мотоцикла и постараются забрать девочку. А его пристрелят у всех на глазах, когда Радченко после падения будет лежать на асфальте. Таранить мотоцикл они вряд ли рискнут, в этом случае Инна погибнет или получит тяжелые увечья, а девочка нужна живой.

На размышление осталось не так много времени, несколько секунд. Радченко ушел в правый ряд. Пространство слева оставалось свободным, всего десяток метров отделял мотоцикл от газона. Но десять метров – это лучше, чем ничего. На десяти метрах можно разогнаться.

– Держись, – заорал Радченко во всю глотку. – Держись изо всех сил.

– Что? – крикнула девочка. – Я не слышу.

– Держись крепче.

Он врубил шестую передачу и рывком вывернул руль в сторону газона. Мотоцикл, словно ракета рванулся вперед, за мгновение миновал левый ряд, проскочив между передним и задним бамперами автомобилей. Переднее колесо коснулось бордюрного камня под углом почти в сорок градусов.

Мотоцикл подпрыгнул, словно норовистая лошадь, стремящаяся сбросить со спины седоков. Оказавшийся на газоне между двумя полосами шоссе, мотоцикл подпрыгнул еще раз, его занесло. Радченко успел погасить скорость, нажав на тормоз и переключив передачу, – и удержал равновесие. Зад мотоцикла развернуло, и он помчался по газону в обратную сторону, поднимая пыль.

Водитель «БМВ» попытался повторить маневр мотоцикла, но машина встала, не сумев заехать на высокий бордюр, просто ткнулась в него, перегородив левую полосу движения. Идущая сзади машина затормозила, но было поздно. Бампер въехал в «БМВ», смял заднее крыло, вдавив его в колесо.

Радченко вывернул руль, мотоцикл соскочил с бордюра и помчался по шоссе в обратную сторону.

– Как ты там? – крикнул Радченко, но, кажется, девочка не услышала вопроса.

Дорога, уходившая от Москвы, была полупустой. Харлей держался в левом ряду, совершая обгон за обгоном. Некоторое время казалось, что преследователи остались далеко позади, теперь можно ненадолго остановиться и перевести дух. Но нет, сзади маячил темно синий седан «Ниссан» совсем новый, видимо, с усиленным двигателем. Держась в левом ряду, он появлялся в поле зрения и снова пропадал. Но вот, сократив дистанцию, оказался в среднем ряду. Радченко прибавил скорости, но седан не слез с хвоста.

Пришлось резко, перед носом грузового фургона, перестроиться в правый ряд, заложить поворот, свернув на дорогу в два ряда, проходящую через лес. «Ниссан» тоже затормозил, упустив короткое мгновение, не успев перестроиться и пропустил поворот. Пролетев метров пятьдесят вперед, остановился, дал задний ход. За «Ниссаном» остановился зеленый «Рендж Ровер». Он тоже сдал назад, а затем свернул на дорогу.

Уже через минуту Радченко видел передок седана в ста метрах позади.

Надо снова отрываться. Он обогнал фургон с надписью «Молоко» на кузове, успев проскочить в узкое пространство между грузовиком и встречной машиной. Седан попытался повторить маневр, но движение по встречной полосе оказалось слишком плотным, и водитель не рискнул идти на обгон. Грузовик еле полз, задерживая преследователей, поэтому Радченко выгадал минуту. Не снижая скорости, он помчался по центральной улице поселка.

* * *

На асфальтовой площадке возле средней школы и рядом с местным отделением полиции стояла патрульная машина, вернувшаяся с дежурства. Вторая машина только подъехала, и начальник патруля, молодой лейтенант, успел отстегнуть ремень безопасности, когда увидел пролетевшего по улице мотоциклиста.

– Видал, что делает? – лейтенант обратился к водителю. – Давай за ним.

– Но у нас...

Водитель хотел сказать, что бензина в баке всего ничего, но в душе вдруг проснулся азарт охотника. Он завел двигатель и увидел, как следом за мотоциклистом пронесся темный «Ниссан». Вырулив на дорогу, помчался вверх по улице. Лейтенант по рации связался с отделением полиции и приказал, чтобы вслед за ним выслали вторую патрульную машину. И пусть оружие захватят.

Мотоцикл влетел на центральную площадь поселка. Здесь скорость была ограничена тридцатью километрами, Радченко держал девяносто. Перед лавкой «Галантерея», продукто-

вым магазином «Русский богатырь» и аптекой, помещавшейся отдельно в деревянном одноэтажном домике, было многолюдно. Вечерами сюда привозили свежий хлеб и разливное молоко.

Светофор был установлен выше по улице, и большинство женщин, приходивших за покупками, пересекали дорогу прямо по площади. Все осложнялось тем, что транспорт попадал сюда, появляясь из-за близкого поворота, пространство за которым не просматривалось, загороженное шестиэтажным домом, кустами и деревьями. И непонятно было, в какой момент выскочит следующая машина.

Женщина средних лет спешила к началу телевизионной викторины, которую транслировали по пятницам. В одной руке она держала большой бидон с молоком и пакет с двумя батонами хлеба, другой рукой опиралась на палку с гнутой ручкой и резиновым набалдашником на конце. Она прислушалась и, не услышав ничего подозрительного, ступила с тротуара на мостовую в самом опасном месте. За ней шагнула беременная женщина в свободном сарафане, разрисованном цветами. Ребенка, годовалого мальчика, она держала на руках, а впереди катила прогулочную коляску, в которой лежали детские вещи и плюшевый медвежонок.

В нескольких шагах от женщин дорогу решил перейти старик, только что взявший в винном отделе две бутылки водки, пучок свежего лука и копченую ставриду, завернутую в кусок толстой бумаги. Изнутри старика сжигали лютая похмельная жажда, не утоленная с утра. Он поправил кепку, шагнул на дорогу и зазевался, к чему-то прислушиваясь.

Радченко обогнал машину, сворачивающую на площадь. Не снижая скорости, вошел в поворот, положив мотоцикл на бок. Объезжая пешеходов, вылетел на встречную полосу. И пронесся мимо, словно ураган.

Люди, ступившие на мостовую, не успели отступить обратно на тротуар. Звук автомобильного двигателя услышали лишь когда, сжигая покрышки, «Ниссан» вышел из поворота и вырвался на прямую дорогу. Вильнул, объезжая женщину с бидоном. Сарафан беременной женщины, отступившей назад, вздулся парашютом, приняв в себя восходящие потоки воздуха. И, кажется, готов был лопнуть.

Передок «Ниссана» ударил старика чуть выше колен. Столкновение было такой силы, что бедняга сначала рухнул на капот автомобиля, смяв его. А затем, подхваченный могучей силой, полетел вверх и в сторону. Уже в полете с головы слетела кепка и повисла на протянутых между столбами электропроводах. Старик дважды перевернулся через голову. В следующее мгновение вышиб спиной толстое витринное стекло. И оказался на том месте, которое покинул минуту назад, в винном отделе.

Он протаранил плечом высокий застекленный прилавок, сдвинул его в сторону и забрызгал кровью оказавшегося рядом покупателя, еще не расплатившегося за вино. И, переломившись пополам, втиснулся на то место прилавка, где выставляли образцы товаров: вино, водку и сигареты. Продавщица открыла рот и потеряла дар речи. Покупатель, испачканный кровью и порезанный осколками стекла, уронил на пол бутылку десертного вина. Что-то прокричал дурным тонким голосом и, лишившись чувств, повалился на пол, в винную лужу.

* * *

Наумов снова пришел в себя от того, что машину «Скорой помощи» трясло на плохой дороге. Гудела сирена, было душно. Он увидел врача, сидевшего на скамейке рядом. Врач, задумавшись о чем-то, хмурился, протирая носовым платком стекла очков. Наумов снова закрыл глаза, а когда открыл их, сирена «Скорой» умолкла. Машина стояла на обочине, а рядом с ним в грузовом отделении фургона никого не было. Слышались чьи-то негромкие голоса, сквозь окошки в задних дверях было видно вечернее солнце, висящее у горизонта. Наумов прислушался.

– Только не здесь, – сказал врач. – Впереди в трех километрах развилка. Направо поворот к заброшенной водокачке. Дорога через лес. Там можно.

– Какая разница где?

Наумов ощупал живот: повязка на месте. Кровь запеклась на коже тонкой корочкой, наверное, кровотечение остановилось. Почувствовав беспокойство, учитель сел, придвинулся к задней дверце. Выглянул через запыленное окно наружу. Неширокая дорога надвое делила вспаханное поле, заросшее клевером. На левой стороне поля, там, где кончается пашня, несколько домиков с двускатными крышами. Видимо, какой-то поселок.

Сквозь стекло виден седан с затемненными стеклами. Немного ближе на обочине стояли два мужчины, один в летнем костюме, другой в брюках и белой рубашке с короткими рукавами. Мужчины разговаривали с врачом. В сторонке топтался тот самый санитар, что недавно тащил носилки. Он курил и тоскливыми глазами глядел куда-то в сторону.

– Времени мало, – сказал мужчина в белой рубашке.

Он достал бумажник, отсчитал деньги и протянул их врачу. Тот, не пересчитывая, поднял полу халата и сунул бумажки в карман брюк.

– Тут машины ездят, и люди попадают, – сказал врач. – Я ведь тоже под богом хожу. Зачем мне лишние неприятности?

Наумов огляделся по сторонам, пошарил рукой под носилками. Мешка, где лежали пиджак и ботинки, здесь нет. На скамейке, где сидел санитар, прозрачный пакет, в нем три использованных шприца. Наумов вытащил шприц, проверил, плотно ли сидит иголка. Зажав шприц в кулаке, глянул через стекло на дорогу.

Мужчина в белой рубахе достал из бумажника еще две купюры, сложив их вчетверо, сунул деньги в ладонь врача. Санитар по-прежнему стоял на месте, будто происходящее его никак не касалось. Он грустно смотрел куда-то вдаль. Ветер трепал темные волосы. Наумов лег на носилки, закрыл глаза и стал ждать.

* * *

Водитель полицейской машины, появившейся следом, увидел перед собой лицо испуганной женщины с палкой в руке и детскую коляску. По встречной полосе шел пикап, на самой кромке тротуара стояли люди. Впереди женщина с палкой, а дальше детская коляска. У водителя, чтобы принять решение, осталось полсекунды, не больше. Он не нажал педаль тормоза, понимая, что это бесполезно. Лишь крепче сжал руль и закрыл глаза, не желая видеть того, что произойдет через мгновение.

Женщина с ребенком бросилась к тротуару. Полицейская машина на скорости протаранила пустую коляску. Вверх взлетели детские вещи и плюшевый медведь. Зеркальце с правой стороны задело женщину с палкой и бидоном в другой руке. Молоко выплеснулось на лобовое стекло. Водитель открыл глаза и увидел лишь белесую пелену на стекле, загородившую собой весь мир. Машину уже вынесло на тротуар, она влетала в палисадник дома, разломав забор и собачью будку.

Только тут водитель догадался нажать тормоз, машину занесло, развернуло на сто восемьдесят градусов. Неплотно прикрытая правая дверь распахнулась, лейтенант, не пристегнутый ремнем безопасности, вылетел из кресла и очутился на земле. Машина встала. Водитель, испуганный едва ли не до обморока, открыл дверцу и вылез наружу, не чувствуя под собой ног. Рядом с разломанным забором появилась какая-то женщина и два мальчишки.

– Помощь нужна? – спросил тот мальчишка, что постарше.

– Посмотри там, – водитель махнул рукой в сторону дороги. – Там... Посмотри, жив ребенок или...

Он не смог выговорить слова «погиб». Перед машиной лежал лейтенант. На губах выступила кровь, он стонал. Правая рука была согнута там, где ей сгибаться не полагалась: между локтем и ключицей. Она неестественно вывернулась и оказалась за спиной, рубаха лопнула на груди. Ноги были широко расставлены, ботинки куда-то делись.

– Ты бы хоть отъехал от него, – женщина показала пальцем на лейтенанта. Потом покачала головой и, готовая заплакать, всхлипнула. – Господи, совсем ведь молодой... Ты назад отгони машину.

Водитель тоже всхлипнул и снова сел за руль, чтобы подать машину назад. Взгляд туманили слезы, мир расплывался. Перед мысленным взором возник голенький младенец, совсем крошечный. Он захлебывался и тонул в бочке с кровью.

Водитель проглотил застрявший в горле комок. Руки не слушались, а нижняя челюсть так тряслась, что стучали зубы. Он включил передачу, нажал на газ, но машина почему-то рванула вперед. Переехала лейтенанта передними колесами и, зацепив тело днищем, потащила за собой. Водитель нажал на тормоз, запоздало поняв, что он сделал что-то не то и совсем не так, как хотел, а наоборот. Он переключил передачу, нажал на газ. Машина дернулась назад, снова переехав лейтенанта, встала и заглохла.

Водитель выбрался из машины. Он видел, как мимо, не притормаживая, промчалась вторая полицейская машина с включенной сиреной. За ней зеленый «Рендж Ровер». Водитель выбежал на дорогу, чтобы позвать на помощь. Но вместо этого сел на тротуар и закурил.

Глава шестая

Мотоцикл пулей вылетел из поселка. Прямой участок дороги растянулся километров на пять, он шел вниз и хорошо просматривался. Радченко глянул в зеркальце и подумал, что удалось оторваться. Сзади никого. Если это действительно так, можно свернуть куда-нибудь, хоть в ближний лес. Инне надо передохнуть, иначе эта гонка закончится бедой. Еще чудо, что девочка до сих пор не вывалилась из седла.

– Как ты? – крикнул Радченко во все горло.

– Я не могу больше, – прокричала в ответ Инна. – Останови, пожалуйста.

– Что? – закричал Радченко, но не услышал ответа.

Вдалеке по встречной полосе двигался трактор на колесах, тянувшей за собой пустой прицеп, и пара автомобилей. Радченко снова посмотрел в зеркальце и увидел вдалеке знакомый силуэт «Ниссана». Чертыхнувшись, он переключил передачу и нажал на акселератор. Стрелка тахометра поползла вверх, движок выдавал три тысячи оборотов. И можно было прибавить еще пару тысяч.

Но есть другая проблема: прожорливость мотоцикла. Бензин уходит как вода сквозь пальцы. В баке остался запас еще на полчаса, а то и меньше. Если за это время он не сможет оторваться от погони, то проиграл. Очень, очень жаль, потому что ставка в игре оказалась запредельно высокой. Ставка – это его жизнь и жизнь девочки, сидевшей сзади.

Теперь в зеркальце Радченко видел полицейскую машину с включенной мигалкой и, появившийся неизвестно откуда, зеленый «Рендж Ровер». Дорога свернула, вошла в сырой хвойный лес, закатное небо спряталось за деревьями, стало почти темно. Радченко сделал несколько поворотов, снова вырвался на свободное пространство. Он подумал, что «Ниссаном» управляет опытный хороший водитель, способный удержать машину на крутых виражах и не отстать.

* * *

Учитель лежал на носилках, в правой ладони он прятал использованный шприц и дожидался удобного момента. Мужчина в белой рубашке залез в грузовой отсек скорой помощи, наклонился над ним...

Удар оказался настолько неожиданным, что человек не успел защититься. Рука Наумова, вылетев снизу, описала полукруг. Игла зажатого в кулаке шприца воткнулась в шею, задев один из кровеносных сосудов, возможно, сонную артерию. Человек, вскрикнув, схватился за шею. На рубашку брызнула кровь. Другой мужчина, стоявший неподалеку от фургона, услышав крик, ничего не понял. Когда в грузовом отсеке, началась возня, он бросился вперед, на помощь.

Он видел своего товарища в окровавленной рубашке, он вывалился наружу, схватился за шею и присел на корточки. Лицо было бледным как полотно, а глаза вылезли из орбит. Наумов, босой, перепачканный засохшей кровью, с повязками на теле и забинтованной головой, вылезал из фургона.

Приблизившись на расстояние двух шагов, мужчина расстегнул перепонку подплечной кобуры. И вытащил из-под пиджака пистолет. Он хотел сказать, что игра закончена, пора поговорить как взрослые люди. И, если Наумов хочет получить пулю в живот, он ее обязательно получит.

Наумов сел на край кузова резко выбросил вперед ногу, ударив нападавшего пяткой в подбородок. Человек выронил оружие, схватился за лицо. Он прикусил язык, кроме того, от

удара лопнула нижняя губа. Все произошло слишком быстро. Санитар, стоявший поодаль, только рот открыл от удивления. Врач попятился назад, будто ожидал нападения. Наумов выпрыгнул из машины. Он легко перескочил канаву, отделявшую дорогу от поля, и побежал в сторону сельских домов.

Он бежал через силу, ощущая слабость и позывы тошноты. После прыжка через канаву кровотечение из раны на животе снова открылось. Повязка сползла вниз, сделалась горячей и тяжелой, кровь стекала по животу, пропитывая брюки. Но хуже крови, хуже слабости – босиком бежать по комковатой неровной земле.

В пятки впиваются острые камешки, ступни режет трава, ноги проваливаются в рыхлую землю. Наумов упал неожиданно, нога подвернулась, и он оказался на земле. Он застонал от боли, посмотрел в ясное вечернее небо, поднялся на ноги. Голова кружилась, брюки до колен были пропитаны кровью.

* * *

Во второй полицейской машине сидели два офицера и водитель. Получив приказ преследовать темный «Ниссан», один из офицеров успел захватить в оружейной комнате укороченный автомат Калашникова и два снаряженных магазина. Теперь, выехав на открытое пространство дороги, полицейские легко разобрались, что к чему. Хорошо видно: «Ниссан» преследует мотоциклиста. Когда дорога пошла вниз, через открытые стекла можно было услышать сухие хлопки, напоминавшие то ли пистолетные выстрелы, то ли взрывы петард.

Полицейский, сидевший спереди рядом с водителем, услышал выстрелы и крикнул:

– Стреляют. Из черной машины стреляют в мотоциклиста.

Тот офицер, что сидел сзади, снял фуражку и, выставив голову из окна, прислушался. Один хлопок, второй... Он видел, как из окна «Ниссана» высунулась чья-то рука. И снова: хлопок, второй, третий... Полицейскую машину трясло на плохой дороге, больше ничего не разглядеть. Офицер зарядил автомат и передернул затвор.

– Догоняй их, – крикнул он водителю и облизал сухие губы, решив про себя, что сейчас начнется что-то очень интересное. – Стрелять буду...

– Сделай предупредительный выстрел, – крикнул другой офицер. – И сразу по колесам бей. Живыми их возьмем.

Водитель тоже захотел что-то крикнуть, дать добрый совет, но не успел. Старший офицер обернулся, заметив какое-то движение слева. Это «Рендж Ровер», появившись ниоткуда, поравнялся с полицейской машиной, выехал на встречную полосу. И ударил ее углом бампера в левое заднее колесо. То ли удар оказался сильным, то ли машина легкой, но она вылетела с дороги, как пробка из бутылки.

Машину развернуло на непаханном поле, где разрослась дикая трава. И снова выбросило на трассу, на другую ее сторону, прямо перед трактором. Удар пришелся в левую часть кузова, в то место, где сидел водитель. Он не успел ничего сделать, не успел даже вскрикнуть, потому что погиб мгновенно.

Кресло сорвало с креплений, покорежило кузов, зажав ноги офицера, сидевшего сзади. Тот закричал от испуга и боли. Выпустил две длинные автоматные очереди в лобовое стекло и в крышу автомобиля. Его сослуживец, сидевший на переднем сидении, почти не пострадал при аварии. Но пуля, ударив в переднюю стойку и срикошетив, попала в ляжку, чуть выше колена.

* * *

С двухрядной дороги мотоцикл вырвался на шоссе с приличным асфальтом. Деревья подступили еще ближе. Солнце пропало, стало темнее, но фонари еще не зажгли. Радченко

увеличил скорость, повиснув на хвосте тяжелого тягача, тащившего за собой фуру. Грузовик шел с высокой скоростью, «Ниссан» не отставал.

Когда «Ниссан» сократил дистанцию до минимума, Радченко выскочил на встречную полосу, обошел фуру и снова занял место в левом ряду. Теперь он оказался между двух большегрузных тягачей с прицепами. Как только передок «Ниссана», вылезшего на встречную полосу, попал в поле зрения Радченко, он начал обгон фуры справа. «Ниссан» занял место между двух тягачей, но не стал обгонять справа, это было слишком сложно.

Водитель ждал, когда освободится встречная полоса. И можно будет обойти фуру слева. Он увидел просвет между машинами, идущими в сторону Москвы, повернул руль, обошел фуру. Но мотоциклиста впереди не оказалось. Водитель «Ниссана» понял, что мотоциклист играет с ним в прятки, скрываясь то за одним, то за другим грузовиком. Тогда «Ниссан» перестроился в правый ряд, пропустил вперед первую фуру. И потом снова занял место между двух грузовиков, гадая, куда теперь подевался мотоциклист.

* * *

Наумов оглянулся. Он видел, как человек в костюме перескочил канаву и бросился вслед за ним. Человек не был молод, не спортивен, это заметно. Но двигался он довольно быстро. Наумов видел, как из серой машины выскочил водитель. Он легко почти без разбега перескочил канаву и бросился через поле наперерез учителю.

Наумов снова сорвался с места и побежал. Двигаться стало труднее, голова кружилась, тошнота подступила к горлу. Он подумал, что допустил какую-то ошибку, серьезную, может быть, роковую. Тогда, возле машины «Скорой» надо было поднять пистолет, который выпустил из рук тот человек в костюме. Тогда расклад сил был бы в его пользу. Тогда появился бы реальный шанс... Но ничего уже не исправишь, не перепишешь.

В этом месте поле поднималось вверх. Бежать стало труднее. Наумов дважды падал, снова вскакивал и бежал дальше. Наверное, получалось не слишком быстро. Через минуту он потерял из поля зрения водителя, но тот вдруг выскочил откуда-то сбоку. Налетел, как товарный поезд, ударив плечом, повалил на землю. Наумов упал, неудобно подвернув руку. Но быстро понял, что с рукой что-то серьезное. Наверное, она сломана.

Теряя силы, Наумов каким-то нечеловеческим усилием сбросил с себя молодого и здорового водителя, как-то вывернулся и даже сумел подняться на ноги. Но рядом уже оказался тот мужчина в костюме. Он сжал ствол пистолета и с силой ударил Наумова рукояткой в лоб. Учитель не упал, хотел выставить руку вперед, чтобы защитить лицо, но рука не слушалась. Он получил новый удар по голове, на этот раз сбоку.

Он рухнул на спину, мужчина навалился коленями на грудь, прижал к земле. Он тяжело дышал, видимо, не привык бегать и к тому же имел большой стаж курильщика. Губы были разбиты, кровь сочилась из уголков рта. Человек, чтобы справиться с дыханием, широко открывал рот. Он поднял пистолет над головой и со всего маху несколько раз ударил рукояткой по лицу. Наумов попытался защититься одной рукой. Человек снова ударил с такой силой, что из рукоятки пистолета выскочила снаряженная обойма.

Через несколько секунд кровь залила глаза, и Наумов больше не видел противника. Он не смог сопротивляться. А вскоре перестал чувствовать боль. Человек, задыхаясь, еще сидел у него на груди и лупил пистолетной рукояткой по голове.

* * *

Водитель «Ниссана» чувствовал себя неуютно между двух огромных фур. Он ушел вправо, пропустил второй грузовик: мотоциклиста по-прежнему не видно.

Водитель и человек, сидевший рядом, занервничали от одной только мысли, что потеряли объект. Свернуть направо мотоциклист не мог, кажется, поворота не было. Значит, он где-то здесь. Теперь надо резко обойти обе фуры слева. Во время этого маневра мотоциклист обнаружит себя. Выждав минуту, «Ниссан» попытался обогнать грузовики. Но встречная машина шла слишком быстро, водитель «Ниссана», решив, что не успеет закончить маневр, резко затормозил, повернул руль вправо, решив спрятаться между грузовиками.

Встречная машина тоже сбросила скорость. Водитель второго грузовика успел нажать на тормоз, чтобы пропустить седан, но упустил всего лишь мгновение. «Ниссан» получил удар в задний бампер, вылетел на встречную полосу, каким-то чудом разминувшись с машиной, идущей в левом ряду, но не ушел от грузовика, перевозившего железобетонные панели, из среднего ряда. Удар пришелся в багажник, «Ниссан» крутануло, вынесло в другой ряд, он получил еще один удар, на этот раз в переднюю часть кузова.

Вспыхнул разлитый по асфальту бензин, вырос столб огня. «Ниссан» загорелся мгновенно, заднюю часть горящей машины подбросило вверх, повалил черный удушливый дым. Машины с обеих сторон шоссе притормаживали и останавливались. Через пару минут на шоссе образовалась огромная пробка, парализовавшая движение до глубокой ночи. «Рендж Ровер» зажатый другими машинами, оказался в самом центре затора. Так встал, что ни назад, ни вперед.

Увидев за спиной огонь и столб дыма, Радченко подумал, что на этот раз все получилось. Он проехал по шоссе еще пару километров, свернул на проселочную дорогу, а с нее на грунтовку. Добрался до песчаного карьера, который огибала мелкая речушка. Здесь бензин кончился. Мотоцикл остановился.

Ноги Инны тряслись, она не могла стоять. Села на мокрую от росы траву и горько заплакала. Отсюда с этого места были видны высокие отвалы песка в карьере, пологий берег речки и огоньки в домике на другом берегу. Радченко поднял мотоцикл, толкая его, завел в реку и утопил. Затем вернулся, взял Инну на руки, перенес ее вброд через реку.

* * *

Ровно в полдень Юрий Девяткин оказался в просторном холле частной клиники, где лечились в основном состоятельные люди, их дети и жены. Он остановился возле стойки дежурного администратора. Женщина со строгим лицом, одетая в белый халат, косо глянула на его костюм и галстук, украшенный пятном кетчупа, насторожилась и задала добрый десяток вопросов. Девяткин терпеливо объяснил, что он не пациент, а сотрудник убойного отдела Московского уголовного розыска, этот визит согласован с директором и одним из совладельцев лечебного заведения Олегом Басовым, который сейчас наверняка ждет сыщика в своем кабинете.

Женщина кисло улыбнулась, набрала номер Басова и доложила, что его хочет видеть полицейский. В следующую минуту появился мускулистый парень в костюме и попросил следовать за ним. Лифтом они поднялись на десятый этаж, некоторое время блуждали в лабиринте коридоров и наконец оказались перед двустворчатой дубовой дверью с медной табличкой «Директор клиники Олег Басов».

Хозяин кабинета, моложавый подтянутый человек лет пятидесяти пяти с вытянутым невыразительным лицом, поднялся из-за огромного стола и потряс руку гостя. Другой рукой врач похлопывал гостя по плечу, будто старого знакомого. Девяткин улыбнулся в ответ и, источая дружелюбие и оптимизм, тоже похлопал врача по плечу.

Кабинет был обставлен приличной мебелью, но никаких излишеств, вроде позолоченной лепнины на потолке, напольных часов в корпусе красного дерева или старинных ковров, не

видно. На серых стенах дипломы и награды, некогда полученные Басовым. На кофейном столике пара фарфоровых чашек, чайник и вазочка с рассыпными ирисками и сухим печеньем.

Басов усадил Девяткина за столик у стены и сказал, что не рассматривает будущую беседу как официальную, а настроен на откровенный, можно сказать, задушевный разговор. Правда, он немного удивлен, даже заинтригован визитом сыщика, потому что представители закона бывают здесь нечасто. Но полагает, что сыщика привели сюда не служебные дела, а вопросы с собственным здоровьем. Что ж, медицина всегда готова помочь, готова подать руку и так далее.

Но, против ожидания Басова, беседа сразу потекла по сухому официальному руслу. Девяткин предъявил служебное удостоверение:

– Приемную дочь известного бизнесмена Дробыша лечили в вашей клинике, так?

– Возможно, – выдал из себя врач после минутного молчания. – Все может быть.

И рассеяно улыбнулся, давая понять, что тут лечат сотни людей, каждого не запомнишь, тем более у него плохая память на имена и фамилии. И на лица тоже. Вчера он общался с Девяткиным по телефону, майор полиции сказал, что есть один разговор не для чужих ушей. Свой вопрос сыщик хотел бы задать уважаемому доктору с глазу на глаз, потому что вопрос этот сугубо личный, можно сказать, деликатный. Говорил Девяткин с остановками, неуверенно, будто боялся назвать вещи своими именами. И замолчал, выждав долгую паузу. Мол, сам догадайся, что за вопрос. А потом спросил: «Понимаете, о чем я?» «Кажется, понимаю», – был ответ.

Басов знал эту породу людей: к нему нередко обращались чиновники, которым хотелось пройти курс лечения, но не хотелось платить. Они просто использовали служебное положение, чтобы экономить деньги, зная, что отказа не получают. И Басов не отказывал, поэтому у него было пол-Москвы друзей, а врагов совсем немного. Какие-то жалкие завистники, но они не в счет.

Во время телефонного разговора он сразу решил, что этот полицейский из Главного управления города наверняка страдает каким-то дурным постыдным недугом, если не хочет даже по телефону сказать, что это за болезнь. И гадать нечего: запущенный сифилис, которым майора наградила какая-нибудь потаскушка, которую он поимел бесплатно. Девяткин не может обратиться в ведомственную поликлинику, он боится огласки. Ведь добрые люди доложат начальству, и жди неприятностей.

И еще: наверняка назрел разлад в семье, жена, встревоженная тем, что супруг уваливает от исполнения супружеских обязанностей, исходит ревностью, уже начались ссоры. Чувство вины, животный страх переполняют сердце Девяткина. Бессонными ночами он курит на кухне сигарету за сигаретой, прикидывает варианты выхода из положения. Наверняка он уже обращался к практикующему коновалу, но тот уколами лишь загнал болезнь вглубь, но не дал исцеления. И вот майор, истерзанный сомнениями, набирает телефон клиники и...

Конечно, Девяткина можно вылечить от сифилиса. Почему бы и нет? Впрочем, возможно он страдает не сифилисом, а кожной болезнью или гепатитом, одно другого не лучше. Тогда Басов сможет рассчитывать на ответную любезность. Знакомство с сыщиком когда-нибудь пригодится. Недавно вот угнали машину близкой подружки, а поиски остановились, даже не начавшись. Пришлось звонить на самый верх, беспокоить больших людей, бывших пациентов. А ведь конкретные вопросы быстрее решать через работников среднего звена, таких, как этот Девяткин.

* * *

Теперь Басов, считавший себя тонким знатоком не только человеческих болезней, но и людских душ, был неприятно удивлен и смущен своей оплошностью. И не мог скрыть разочарования.

– Я так понял, что вам требуется помощь или консультация по медицинской части, – он откашлялся в кулак. – Я подумал что... Подумал, что ваш вопрос как бы не по работе. Что это личный, так сказать, вопрос... Сугубо личный.

На губах Девяткина заиграла змеиная улыбка. Он глядел на Басова насмешливо и снисходительно. Так, будто читал его мысли, словно раскрытую книгу. Если бы вчера он сказал о цели своего визита, то врач первым делом позвонил бы Дробышу. А потом, по его команде, уничтожил бы медицинскую карту Инны или вырвал оттуда некоторые страницы, представлявшие интерес для следствия. Взгляд Девяткина говорил: дурачок ты бестолковый. Я за свою жизнь и не таких хитрых ребят причесывал.

– Вы ошиблись, Олег Михайлович. Мой вопрос как раз по работе. Исключительно по работе. Итак, начнем с начала: дочь Дробыша лечили у вас?

– Я наведу справки.

– Так вы лично с Дробышем не знакомы?

– М-мм... Знаком, почему же нет, – завертелся в кресле Басов. – Добрейшей души человек.

– А его приемную дочь помните?

– Кажется, припоминаю, – Басов продолжал вертеться на стуле. – Очень симпатичная девочка. И воспитанная. Да, да, воспитанная. Хотя в наше время хорошее воспитание скорее порок, чем добродетель.

– Мне нужна медицинская карта Инны Дробыш, ее прежняя фамилия Осипова. Девочке около шестнадцати лет. Она пропала без вести, предположительно ее похитили или она сама убежала из дома. Это мы сейчас выясняем. Короче говоря, Инна находится в розыске.

– Вот как? – брови Басова удивленно взлетели вверх и так замерли. Врач не любил, когда пациенты попадают в криминальные истории. А потом полиция беспокоит его своими визитами и вопросами, на которые надо что-то отвечать, хотя не хочется.

– Странно все это, – пробормотал он. – Похитили ребенка...

– Меня интересует вот что. Есть предположение, что в ту роковую ночь, когда Инна исчезла, она из окна своей комнаты видела сигнал. Ей посветили фонариком от ворот усадьбы или автомобиль мигнул фарами. Дом и ворота разделяют сто с лишним метров. И еще пара деревьев. Ночь была ненастная, дождливая. Даже если пользовались мощным фонарем, сигнал мог заметить только человек с хорошим зрением. Или биноклем, которого у девочки не было. По словам ее приемного отца, Инна не носила очков и контактных линз. На зрение никогда не жаловалась.

– Значит, не жаловалась, раз так отец говорит, – пожал плечами Басов. – Зачем отцу врать?

– Но если верить тетке Инны, ее зрение было далеко неидеальным. Она не могла, например, смотреть кино или телевизор без очков. В школе, где она прежде училась, говорят, что иногда она надевала очки. Когда сидела в кинозале и еще на репетиции школьного хора. Но постоянно очки не носила. Мне надо знать точно, какое зрение было у девочки.

– Хм, хорошо... Что ж... Я думаю, можно будет помочь. Только сделайте официальный запрос. Таков установленный порядок. Таковы наши правила. И еще... Дайте нам некоторое время. Мы изучим все документы, я лично переговорю с окулистом, который наблюдал Инну и тогда...

– Мы сделаем проще: я посмотрю медицинскую карту и... И вопрос будет закрыт прямо сегодня.

– Послушайте, господин Девяткин, есть такое понятие: медицинская тайна, – Басов завертелся на стуле еще живее. – Это противоречит врачебной этике. Я не могу разглашать сугубо личную информацию. Показывать постороннему человеку, пусть даже сыщику, врачеб-

ные записи. Если я буду так поступать, останусь без работы. Встану у ворот кладбища и буду милостыню просить. Надеюсь на ваше понимание.

– И напрасно надеетесь. Если вы вздумаете мешать следствию или предоставить ложную информацию, то наживете много неприятностей. Об этом я предупреждаю официально. А вы, кажется, именно это хотите сделать – помешать моей работе.

– И в мыслях не было, – Басов схватился за голову. – Хорошо, я постараюсь найти карту Инны. Но не сегодня. Во-первых, через час начинается совещание по вопросам медицины в московской мэрии. Во-вторых, сейчас идет перерегистрация всех документов. Мы переходим на новую систему учета, более современную. Никаких медицинских карт больше не будет. Данные о конкретном больном поместят в базу данных поликлиники. На центральный сервер. Врач будет напрямую вводить информацию со своего компьютера, а не бумажки писать. Словом, вам придется зайти через недельку-другую. Честно, я просто не представляю, где сейчас искать эти записи.

– Совещание в мэрии пройдет без вашего участия, – сказал Девяткин. – Вы можете понадобиться здесь.

– Но позвольте...

– В поисках медицинской карты я смогу помочь, – Девяткин полез в карман и выложил на стол мобильник. – Сейчас я свяжусь с отрядом полиции особого назначения. Попрошу силовой поддержки. Эти ребята все найдут. Но если за время поисков из карты исчезнет хоть одна страничка... Или карту зальют чернилами... Тогда я рассержусь. И еще: у меня есть приятель на телевидении. Репортаж об этом событии попадет в вечерние новости. После такой рекламы ваши клиенты уже завтра побегут отсюда как тараканы. Ну, теперь ваш ход.

– Подождите, как говорится, давайте решим все мирным способом, – Басов с усилием улыбнулся. – Прямо сейчас. Действительно, дело-то пустяковое. Зрение девочки... Ну, что из этого делать тайну? Господи, какая мелочь...

Он подошел к столу, снял телефонную трубку и отдал распоряжения принести из регистратуры карту Инны Дробыш. Однако на прежнее место не вернулся. Устроился за письменным столом и погрузился в меланхолическую задумчивость.

Глава седьмая

Девяткин осилил три четверти медицинской карты Инны Осиповой, заведенной около пяти лет назад. Потом выкурил сигарету и снова принялся за чтение.

Впервые девочка появилась в клинике со своей матерью, ныне покойной. Тогда Инне исполнилось одиннадцать лет, она неудачно упала на уроке физкультуры и жаловалась на боли в спине. На рентгеновских снимках, сделанных в этот же день, не было ни переломов, ни повреждений позвоночника. Врач написал, что девочка получила растяжения мышц низа спины, назначил мазь и таблетки. Больше на боли в спине Инна не жаловалась.

За пять лет она трижды проходила здесь полное медицинское обследование, не выявившее патологий или серьезных болезней. Из записей врача окулиста явствует, что во время первого осмотра, у девочки было минус одна и восемь десятых единицы. Во время последующих двух посещений, в прошлом и позапрошлом году, дефекты зрения не обнаружены. Басов просмотрел записи врача окулиста и сказал:

– Такое бывает и довольно часто. Иногда от перегрузок. Например, у студентов и школьников во время экзаменов, когда они читают ночами напролет и пользуются компьютером. Иногда это возрастные изменения, характерные для детей переходного возраста. Но наш организм способен сам себя лечить. В юности многие люди страдают близорукостью. Но впоследствии зрение нормализуется. Иногда для этого нужно пройти курс лечения. Иногда все происходит само. Вот и ответ на ваш вопрос. Если я непонятно объяснил, можно позвать окулиста.

– С этим пока подождем, – Девяткин снова углубился в чтение.

Попадались термины, которые он не знал, но общий смысл был понятен. Девяткин выкурил еще одну сигарету, перевернул последнюю страницу, а затем сидел, обдумывая прочитанный текст. Два года назад, когда Инне едва исполнилось четырнадцать, ее осматривал гинеколог, он сделал заключение, что девочка беременна. Была сделана операция по прерыванию беременности. Такая же операция прошла год спустя.

– Два года назад Дробыш сам привез девочку на аборт? – спросил Девяткин.

– М-м-м...

– Обещаю: разговор останется между нами. Дробыш не узнает ничего.

– Я не помню всех обстоятельств той истории, – Басов хотел соврать, но не рискнул, решив, что, в конце концов, он Дробышу не адвокат. – Кажется, он позвонил мне и сказал, что его дочь играла в любовь с одним молодым человеком. И возникла нежелательная беременность.

– А второй раз? Снова любовь с молодым человеком?

– В следующий раз, год назад, он не стал ничего объяснять. Помню, девочка была подавлена происходящим. Она была бледной, испуганной. Дробыш привез ее рано утром. И забрал вечером того же дня. Ну, когда все сделали. Я сам проследил, чтобы все было... Ну, чтобы все было, как надо. И сказал Дробышу о том, что надо поговорить с девочкой. Научить ее предохраняться. Он что-то пробормотал в ответ и уехал.

– Инна что-то рассказывала о своей беременности?

– Ни слова. Она была бледная, совсем прозрачная. От еды отказывалась. Ей сделали укол, она почувствовала себя лучше. Поймите, нельзя было оставлять эту беременность. Женщина, мать, которая сама еще ребенок – это нонсенс. И все было по закону. В таких случаях, ну, когда беременеет девочка, не достигшая совершеннолетия, требуется разрешение родителей, чтобы сделать аборт. А Дробыш отец Инны, самый близкий родственник.

– Вы имели право обратиться в органы опеки и попечительства. Завели бы дело, которое имело шансы дойти до суда. И Дробыша лишили бы родительских прав. А, может быть, и посадили. Но вы ничего не сделали. Кстати, в последние два года Инна не встречалась ни с

подругами, ни с друзьями. Дробыш запрещал. Все ее контакты – это учителя, которые приезжали к ней на дом. Поэтому влюбиться в своего сверстника и забеременеть от него она просто не имела физической возможности.

Разволновавшись, Басов порывисто поднялся из-за письменного стола. Он расслабил узел галстука, будто ему стало трудно дышать. Кресло на колесиках откатилось к задней стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.